

Хун Цзычэн

«Вкус корней»

перевод Малявин В. В.

О книге

Вот книга, которая способна дать, пожалуй, самое верное и в своем роде даже полное представление о тысячелетней мудрости Китая — о традиционных жизненных идеалах, представлениях о добре и красоте, о темах размышлений и чувстве юмора, о самом способе мировосприятия. Глубина и строгость мысли автора, свежесть его наблюдений и, главное, безупречная искренность суждений заслуженно принесли ей славу лучшего сборника афоризмов в Китае. Впрочем, о личности автора, которого звали Хун Инмин (литературное имя Хун Цзычэн), сохранились весьма скудные и по большей части лишь косвенные сведения в аннотированном указателе к крупнейшему книжному своду старого Китая, «Полному собранию книг по четырем разделам» (XVIII в.)

Хун Цзычэн упоминается как автор сборника жизнеописаний буддийских и даосских святых под названием «Чудесные деяния бессмертных и будд». Там же сообщается, что Хун Цзычэн жил во времена правления императора Ваньли (1573–1619) и что он носил прозвище «Человек Дао, вернувшийся к Изначальному». Такое прозвище свидетельствует о принадлежности Хун Цзычэна к даосской школе или, по крайней мере, о его симпатиях к даосизму. Впрочем, словосочетание «человек Дао» было традиционным самоназванием буддийских монахов Китая, а во времена Хун Цзычэна оно вошло в обиход народных сект, приверженцы которых, не принимая формально монашеского сана, придерживались правил монашеской жизни в миру.

Уже составители «Полного собрания книг по четырем разделам» не знали в точности, откуда был родом Хун Цзычэн. Некоторые косвенные свидетельства позволяют предположить, что он родился в провинции Сычуань, а впоследствии поселился в низовьях Янцзы — центре культурной жизни тогдашнего Китая. Известно также, что его учителем был авторитетный ученый и писатель Юань Хуань (1533–1606), автор ряда нравоучительных книг. Юань Хуань был большим поклонником даосизма, носил прозвище «Человек Дао, постигший Обыкновенное», но, подобно многим современникам, полагал, что «три учения» Китая — конфуцианство, буддизм и даосизм — по-разному выражают общую для всего мира истину. По-видимому, в молодости Хун Цзычэн пытался сделать карьеру конфуцианского ученого и лишь в зрелую пору жизни обратился к даосизму и буддизму.

Во всяком случае, в аннотации к буддийскому разделу «Чудесных деяний бессмертных и будд» некий почитатель буддизма по имени Фэн Мэнчжэнь сообщает: «Господин Хун Цзычэн в юные годы мечтал о суетной славе, а на

склоне лет занялся созерцанием пустоты». Разочарованность миром официозной конфуцианской учености, который издалика кажется возвышенным и блестящим, а вблизи оказывается нестерпимо пошлым и косным, прорывается во многих изречениях «Вкуса корней». Таким образом, в творчестве Хун Цзычэна отразилась весьма типичная для литераторов старого Китая судьба: быть конфуцианцем по образованию, но буддистом и даосом по мировоззрению.

Книга Хун Цзычэна создавалась, по-видимому, в первое десятилетие XVII века и была закончена не позднее 1612 года, когда умер Юй Кунцзянь, автор предисловия к ней. Название сборника навеяно, скорее всего, сентенцией ученого Ван Сяньмина, гласящей: «Тому, кто разжевывает корни овощей, любое дело по плечу». Слышится в ней и призыв к познанию радостей безыскусной, чуждой роскоши и фальши высшего света жизни, ведь овощи — пища бедняков. Русское название книги, надеемся, достаточно ясно выражает главный пафос заметок китайского моралиста и созерцателя.

Впервые афоризмы Хун Цзычэна были изданы с предисловием Юй Кунцзяня в 1624 году в качестве приложения к даосской энциклопедии «Восемь книг об укреплении жизни».

Изречения разделены на две части. Согласно общепринятому мнению (в известной мере условному), сюжеты первой части касаются в основном правил жизни в миру, тогда как вторая часть книги посвящена внутренней жизни. Издание 1624 года в Китае больше не воспроизводилось и спустя некоторое время стало большой редкостью. Однако оно попало в Японию и там приобрело необыкновенную популярность. Еще и сегодня оно считается там одной из лучших нравоучительных книг и, между прочим, превосходным пособием для деловых людей. Именно это первоначальное издание послужило основой для публикаций книги Хун Цзычэна в современной Японии и на Тайване. Заметим, что в КНР афоризмы Хун Цзычэна стали публиковать лишь с конца 80-х годов — прежде их числили по разряду «религиозной пропаганды».

Существует еще одно издание «Вкуса корней», которое появилось в 1786 году. В этом издании автором назван Хун Инмином, оно включает в себя 386 высказываний, разбитых по пяти рубрикам, и содержит предисловие, написанное неким Больным мужем с Трех гор. Последний характеризует книгу Хун Цзычэна как собрание поучительных суждений о «жизни в свете и в уединении, повседневной добродетели и сострадании, прозрении чань и красоте вещей, мудрости буддизма и конфуцианства...». Автор предисловия, по его словам, не видел первоначального издания и основывался на издании времен цинского императора Канси, где суждения тоже были

сгруппированы по пяти темам (всего их насчитывалось 235). Этой версии следует большинство современных китайских издателей книги Хун Цзычэна. Нередко в этих изданиях содержатся дополнительные подборки изречений, так что общее число сюжетов в них достигает 575.

Настоящий перевод выполнен В.В. Малявиным и основан на сохранившемся в Японии тексте первоначального издания книги Хун Цзычэна — бесспорно, наиболее аутентичном из всех доступных сегодня. Переводчик пользовался следующими изданиями книги Хун Цзычэна:

- *Сайкотан (Вкус корней) / Ред. и ком. Имаи Усабуро. Токио, 1975.
Синь и цай гэнь тань (Новое толкование «Цай гэнь тань») / Ком. УЦзягоу. Тайбэй, 1998.*
- *Цай гэнь тань хоу цзи синь чжу (Новые комментарии ко второму собранию изречений «Цай гэнь тань») / Ком. Ван Цзиньсян. Тайбэй, 1985.*

Предисловие автора

Тому, кто порвал узы света и избрал стезю одиноких, кто живет затворником в камышовой хижине, радостна встреча с понимающим мужем и не доставит радости общение с чуждыми людьми.

Он не станет попусту спорить о книгах древних мудрецов, но не сочтет пустой жизнь в обществе простых людей среди волшебных красот заоблачных гор. На лоне вод и посреди зеленых долин он будет внимать напевам пахарей и рыбаков и не допустит в сердце алчность и гордыню, не попадет в тенеты пагубных страстей. Так, держась вдали от многословных речей и изощренных рассуждений, он проживет свой век в довольстве.

Мой друг Хун Цзычэн принес мне свою книгу «Вкус корней» и попросил сделать к ней надпись. Поначалу у меня не было желания ее читать. Но вот когда мне удалось отрешиться от суетных забот, я взял ее в руки и понял, что она прямо указывает на сокровенную истину жизни, раскрывает тайну человеческих чувств и уносит в заоблачные выси. В этом огромном мире между Небом и Землей она заставляет задуматься о том, что пребывает в нас самих. А среди суетных страстей света она воспитывает самые возвышенные помыслы. Столь тверд и продуман слог автора, подобный зеленой роще и синим горам. Столь непринужденна и изящна его речь, подобная полету коршуна в небе и скольжению рыб в воде. Поистине, слова этой книги не из тех досужих суждений, что влетают в ухо, чтобы тут же слететь с языка. Для мира они подобны целительному уколу лекарской иглы. Поистине, они заставляют людей очнуться от сна. Название же книге дано: «Корни овощей». Видно, писана она так же усердно и заботливо, как растят овощи в огороде. Можно представить, сколько труда и вдохновения в нее вложено!

Почтенный Хун говорил: «Небо обременило меня немощью тела, а я поборю ее вольностью сердца.

Небо послало мне тяжкие испытания, а я преодолею их, храня верность возвышенной правде». Он черпал силы в невзгодах: вот о чем нужно долго думать. И я без лишних слов хочу во всеуслышание объявить: в корнях овощей таится истинный вкус!

Писал Господин Трех Пиков Юй Кунцзянь

Собрание первое

1

Тот, кто живет по правде, будет отвергнут светом разве что на короткое мгновение.

Тот, кто упивается властью, будет проклят людьми навеки. Постигший истину муж взыскует вещи, которых нет в мире вещей, и думает о том, что с ним станет, когда его не станет. Он предпочтет мимолетную неприязнь света при жизни вечному проклятию после смерти^[93].

2

Если не привязываться к миру, то и мирская грязь к тебе не пристанет. Если глубоко вникать в дела мира, тогда и механический ум^[94] глубоко проникнет в тебя. Поэтому благородный муж в своих устремлениях более всего привержен безыскусному, а в деяниях своих превыше всего ценит непосредственность.

3

Помыслы благородного мужа — как голубизна небес и сияние солнца: не заметить их невозможно. Талант благородного мужа — как яшма в скале и жемчужина в морской пучине^[95]: разглядеть его непросто.

4

Власть и выгода, блеск и слава: кто не касается их, тот воистину чист. Но тот, кто касается, а не запятнан ими, чист вдвойне. Многознайство и хитроумие, сметливость и пронизательность: кто лишен их, воистину возвышен. Но тот, кто ими наделен, а не пользуется, возвышен вдвойне.

5

В жизни часто приходится слышать неугодные речи^[96] и заниматься делами, которые доставляют неудовольствие. Но только так мы найдем оселок, на котором отточится наша добродетель. А если слушать лишь то, что угодно слышать, и думать лишь о том, о чем приятно думать, всю жизнь проживешь, словно одурманенный ядовитым зельем^[97].

6

Когда дует свирепый ветер и льет проливной дождь, неуютно даже зверям и птицам. Когда ярко светит солнце и веет ласковый ветерок, даже деревья и травы дышат бодростью.

Отсюда можно понять: мир природы не может прожить и дня без согласия, а сердце человека не может прожить и дня без радости^[98].

7

Ни в кислом, ни в соленом, ни в горьком, ни в сладком нет настоящего вкуса. Настоящий же вкус неощутим^[99]. Ни незаурядный ум, ни поразительный талант не есть достоинства настоящего человека. Достоинства настоящего человека неприметны.

8

Небо и Земля вовек недвижимы, а эфир^[100] меж ними ни на миг не приходит к покою. Солнце и луна днем и ночью бегут друг за другом, а в бездне времен ничто не меняется.

Поэтому благородный муж в час досуга должен думать о том, что не терпит промедления, а в минуту решительных действий должен быть празден.

9

Когда в ночной тишине покойно сидишь в одиночестве и внимаешь своему сердцу^[101], постигаешь тщету всех мыслей, и тебе открывается твоя подлинная природа. В такие моменты прозреваешь в себе великую силу бытия^[102] и вдруг понимаешь, что, даже обретя в себе правду, трудно избавиться от суетных мыслей. И тогда тебя охватывает великий стыд.

10

Добротой часто можно причинить вред, поэтому, желая сделать добро, тщательно все обдумай. Из неудачи нередко можно извлечь полезный урок, поэтому промахи — лучшее подспорье делу.

11

Среди тех, кто питается отрубями, много людей чистых, как лед, и благородных, как яшма. Среди тех, кто носит платье, расшитое драконами, и ест из яшмовой посуды^[103], много таких, которые готовы рабски гнуть спину и угождать другим. Тот, кто хранит чистоту помыслов, должен уметь отказаться от заманчивого куска.

12

Если поля перед нашим взором расстилаются широко, вид их не забудется. Если добро, которое мы оставим после себя, распространится далеко, память о нем не оскудеет.

13

На узкой тропе придержи шаг и дай пройти путнику, идущему навстречу. За едой возьми себе третью часть, а остальное отдай ближнему. Вот секрет того, как всегда быть счастливым в этом мире.

14

Совсем необязательно заниматься великими делами: если ты прогнал суетные мысли, — значит, ты достиг величия. Совсем не обязательно изумлять мир своей ученостью: если ты освободился от власти вещей, — значит, ты познал, что такое мудрость.

15

Имея друга, дай ему втрое больше, чем себе. Живя в одиночестве, сохрани в себе хотя бы крупицу первозданной чистоты сердца.

16

В получении наград не будь впереди других. В совершении добрых дел не будь позади других. Получая от других, не бери больше того, что тебе положено. В добрых делах не делай меньше того, что тебе доступно.

17

В круговороте мирской жизни отступить на шаг не зазорно. Отступление — залог продвижения вперед^[104]. Позволить другому взять твою долю — вот счастье. Помощью другим держится подлинная помощь себе.

18

Величайшее достижение в этом мире перечеркивается одним словом: гордыня. Величайшее преступление в этом мире перечеркивается одним словом: раскаяние.

19

Громким именем и доброй славой не следует пользоваться одному. Поделившись ими с другими людьми, можно избежать многих

неприятностей и сполна прожить свою жизнь.

Постыдные поступки и дурную репутацию не следует целиком приписывать другим. Взяв их часть на себя, можно, сокрыв свет собственных добродетелей, возвращать в себе правду^[105].

20

Если в каждом деле прозревать нечто вовек неосуществимое, то и сам Творец всего сущего^[106] не сможет тебя покарать, а боги и духи не смогут ничего отнять^[107]. Если же стараться каждое дело непременно доводить до совершенства и во всем добиваться полного удовлетворения, душа зачерствеет, и все вокруг будет нагонять на тебя тоску.

21

В каждой семье есть истинный Будда. В сутолоке каждого дня есть праведный Путь.

Когда люди могут, не кривя душой, жить в согласии и с радостью говорить друг другу приветливые слова, когда родители и дети любят друг друга и живут душа в душу, это в тысячу раз выше «регулирования дыхания» и «созерцания сердца»^[108].

22

Есть люди с рождения живые и деятельные. Они — как молния в тучах или пламя свечи на ветру. Есть люди, от природы пребывающие в покое. Они — как «мертвый пепел и высохшее дерево»^[109]. Но лучше всего быть подобным неподвижным облакам в поднебесье и покойной глади вод на земле, и пусть в облаках парят коршуны, а в воде резвятся рыбы^[110]. Вот образ сознания, претворившего в себе Путь^[111].

23

Не следует слишком горячо укорять других за их недостатки. Думай о том, чему хорошему эти люди могут научиться.

Воспитывая других на добром примере, не стремись непременно проявлять чудеса добродетели. Делай лишь то, чему и другие могут последовать.

24

Навозные личинки утопают в нечистотах, но, превратившись в цикад, пьют росу под осенним ветром. Гнилушка не испускает света, но, превратившись в светляка^[112], сияет под осенней луной. Не следует забывать, что чистое всегда выходит из грязи, светлое всякий раз рождается из тьмы.

25

Честолюбие и гордыня — обманчивое возбуждение духа. Стоит это возбуждение унять, как проступают истинные свойства натуры. Страсти и заботы проистекают из суетности сознания. Побори суетное сознание, и в тебе проявится сознание истинное.

26

Если, наевшись, думать о пище, даже самые изысканные яства не пробудят аппетита. Если, удовлетворив похоть, думать о любовных утехах, не возникнет охоты им предаваться.

Вот почему, раскаиваясь в содеянном прежде, можно сбросить с себя наваждение наших страстей, Тогда характер станет незыблем, а поступки — безупречными.

27

Сидя в коляске вельможи, нельзя не мечтать о покое лесов на горных вершинах.

Живя у лесного ручья, нельзя не думать о заботах мужей, ведающих управлением государством.

28

Живя в свете, не стремись к успеху. Не совершить ошибки — уже успех. Поддерживая отношения с людьми, не ищи их милости. Не заслужить их ненависти — уже милость.

29

Трудиться, не страшась лишений, — великая доблесть. Но если чрезмерно истязать себя, не будешь знать ни истинного отдохновения, ни истинной радости

Хранить целомудрие — великая добродетель. Но ее ли слишком заботиться о своей репутации, не сможешь помочь людям и быть полезным другим.

30

Оценивая тех, кто попал в затруднительные обстоятельства, примечай, о чем они мечтают.

Оценивая тех, кто добился почета и славы, примечай, как они проводят остаток своих дней.

31

Людам богатым и знатным следует быть великодушными и милостивыми, а они, напротив, завистливы и бессердечны. Выходит, хоть они богаты и знатны, а поведением своим обкрадывают и унижают себя. Как им не быть счастливыми?

Просвещенные люди должны скрывать свою мудрость, а они, напротив, выставляют ее напоказ всему свету. Выходит, хоть они просвещенны, а страдают скудоумием и тупостью. Как им не выглядеть дураками?

32

Лишь пожив внизу, узнаешь, как опасно взбираться наверх. Лишь побывав в темноте, узнаешь, как яркое солнечное свет. Лишь храня покой^[113], узнаешь, как много сил тратят те, кто пребывает в движении. Лишь пестуя молчание, понимаешь, сколь суетно многословие.

33

Лишь отрешившись от мыслей о славе, богатстве и власти, можешь освободиться от пошлости. Лишь отрешившись от мыслей о праведной жизни, человечности и долге^[114], можешь приобщиться к мудрости.

34

Жажда приобретений не безнадежно ранит разум. Наши замыслы и воображение — вот главные враги разума. Звук и цвет не обязательно скрывают правду. Наш рассудок — вот что наглухо загораживает ее от нас.

35

Людам свойственно колебаться и менять решения. Мирские пути запутанны и опасны. Там, где нельзя пройти, нужно уметь отступить на шаг. Там, где можно пройти, будь учтив с другими^[115].

36

При встрече с низким человеком нетрудно быть резким, но трудно не питать отвращения. При встрече с благородным мужем нетрудно быть почтительным, но трудно быть безупречно вежливым.

37

Лучше сохранять младенческое целомудрие духа и гнать прочь хитроумие: тогда после смерти возвратишь Небу и Земле частицу неиспорченной жизненной силы^[116].

Лучше отречься от роскоши и находить удовольствие в малом: тогда после смерти оставишь миру свое чистое имя.

38

Тот, кто покоряется демонам, прежде пасует перед собственным сердцем. Обуздай свое сердце, и все демоны твоей души рассеются^[117].

Тот, кто увлечен соблазнами мира, прежде дает увлечь себя своим страстям. Когда страсти подвластны человеку, соблазны мира не тронут его сердце.

39

Круг учеников должно отбирать с тем же тщанием, что и круг знакомств благонравных девиц. Один беспутный человек в нем подобен сорной траве, проросшей посреди ухоженных всходов: с такого поля уже никогда не соберешь отборное зерно.

40

Давая волю желаниям^[118], не радуйся красивым вещам и не позволяй себе увлечься ими. Стоит хотя бы раз возжелать их, и ты увязнешь в трясине на тысячу сажен.

Предаваясь думам о правде, не страшись трудностей и не отступай перед ними. Стоит отступить хотя бы на шаг, и ты будешь отброшен назад за тысячу гор.

41

Хлопотливый человек заботится и о себе, и о других, никогда не оставаясь безучастным. Равнодушный чело-

век не заботится ни о себе, ни о других, будучи ко всему безразличен.

Благородный муж умеет соблюдать меру. Он не слишком хлопотлив и не слишком безучастен.

42

Он богат, а я возвышен духом^[119]. У него высокий чин, а я следую долгу^[120].

Благородный муж никогда не позволит сильным мира сего связать себя.

Человеческое упорство одержит верх даже над Небом. Постоянство помыслов перевернет целый мир. Благородный муж от самого Творца сущего не примет обличья помимо своей воли.

43

Если не стремишься хотя бы немного возвыситься над собой, всю жизнь будешь чистить одежду в пыли и мыть ноги в грязи. Как же тут очиститься? Если хотя бы немного не отстранишься от мира, будешь подобен мотыльку, летящему в огонь, и барану, бодающему плетень^[121]. Как же тут обрести покой и счастье?

44

В учении главное — хранить постоянство помыслов и идти прямо, никуда не сворачивая. Если, возвращая в себе добродетель, не отказываться от мыслей о заслугах и славе, никогда не достигнешь цели. Если, читая книги, думать о том, как лучше выказать свою ученость, в душе не будет покоя.

45

В каждом человеке живут великая любовь и великое милосердие. Нет разницы между сердцем Вэймо^[122] и сердцем мясника. Любое место может внушить нам подлинное чувство. Нет разницы между дворцом из золота и камышовой хижинкой. Но стоит стеснить свои чувства и отвернуться от своего сердца, как промах на вершок уведет от истины на тысячу *ли*^[123].

46

Чтобы продвигаться по стезе добродетели и возвращать в себе правду, нужно быть бесстрастным, как дерево или камень. Стоит лишь единожды что-либо возжелать, и ты окажешься в плену страстей.

Чтобы приносить пользу миру и водворять порядок в государстве, нужно быть безучастным, как плывущее облако и водная гладь. Стоит лишь единожды увлечься чем-либо, и ты погрязнешь в пустых тревогах.

47

Удачливые люди не рассуждают о том, как быть спокойным и счастливым. Даже видя во сне духов, они не теряют самообладания. Неудачники не замечают, как у них все валится из рук. Даже в веселой шутке они усматривают козни.

48

Если заболит печень, испортится зрение. Если заболят почки, ослабнет слух^[124]. Болезнь гнездится там, где она не видна, а проявляется в том, что

всем заметно. Благородный муж, стремясь не иметь видимых прегрешений, прежде не совершает прегрешений там, где их никто не может заметить^[125].

49

Среди приятных вещей нет ничего приятнее пренебрежения делами. Среди неприятных вещей нет ничего неприятнее отягощенности заботами. Только тот, кто изнемогает от забот, знает, что праздность — счастье. Только тот, кто не ведает волнений, знает, что отягощенность заботами — горе.

50

В просвещенный век следует быть прямым. В смутный век следует быть искривленным. А в наше время можно быть и прямым, и искривленным. С хорошими людьми следует быть радушным, с дурными — строгим. С обыкновенными людьми можно быть и радушным, и строгим.

51

О своих заслугах перед другими не следует помнить, но о своих прегрешениях перед другими не помнить нельзя.

О милости других к себе нельзя забывать, но нанесенные другими обиды нужно уметь забыть.

52

Когда, делая добро, не думаешь о себе и других, одна горсть зерна одарит милостью как тысяча пудов хлеба. Когда, помогая другим, бахвалишься своей щедростью и требуешь благодарности, сотня золотых не принесет пользы даже на полмедяка.

53

Люди между собой то ладят, то не ладят, но можно ли сделать так, чтобы все вокруг соглашались только с тобой?

Каждому что-то нравится, а что-то не нравится, но может ли быть так, чтобы всем нравилось то, что нравится тебе?

Сравнивай свои желания с желаниями других и делай для себя выводы — вот простой способ учиться мудрости в этом мире.

54

Только когда сердце очищено от скверны, можно браться за чтение книг и изучение древности. Иначе, узнав про один добрый поступок, захочешь

извлечь из него пользу для себя, а услышав одно умное слово, захочешь оправдать им свои пороки. Учиться с такими мыслями в голове — все равно что «дарить оружие врагу и посылать провиант разбойникам»^[126].

55

Скряги, даже если богаты, полагают, что живут в нужде. Им не понять, отчего бессребреники, хоть и бедны, а всего имеют в избытке.

Люди честолюбивые упорно трудятся, но труд им не в радость. Им не понять, отчего те, кто не хвастает способностями, беззаботны и хранят в себе «полноту подлинности»^[127].

56

В учении не равняться на великих мудрецов — значит быть рабом грифеля и доски для письма. На государственной службе не любить простых людей — значит украсть платье и шапку чиновника. Вести ученые разговоры и не заботиться о своем поведении — значит предаваться пустословию. Ведать важным делом и не думать об упрочении добродетели — значит пускать пыль в глаза^[128].

57

В сердце каждого человека хранится одно правдивое послание, но оно погребено под обрывками обветшалых книг. В сердце каждого человека звучит один правдивый напев, но его заглушают распутные песенки и буйные крики. Тот, кто предан учению, должен отмести все внешнее и напрямую постичь изначальное. Только тогда он поймет, что есть подлинного в жизни.

58

В страдании часто находишь утешение. А когда тебе вдруг открывается истина, тотчас становится горько, что не смог ее удержать.

59

Когда богатство, знатность и слава приобретаются добродетелью, они подобны лесным цветам, пышно цветущим на воле.

Когда они приобретаются заслугами, они подобны цветам, выращенным на клумбе.

Когда они приобретаются властью, они подобны цветам в вазе, отрезанным от корня и обреченным на увядание.

60

Когда весной наступают ясные и теплые дни, цветы расцветают многокрасочным ковром и птицы поют сладкие песни. Добродетельный муж дорожит тем, что принадлежит к кругу избранных и живет в тепле и сытости. Он не стремится щегольнуть красивым словом и блеснуть красивым поступком. Даже если он прожил в мире сто лет, кажется, будто он не пробыл в нем и дня.

61

В учении важно быть сосредоточенным и строгим, но иной раз необходимо быть беспечным. Если вечно отказывать себе в радостях и утехах, утратишь в себе животворный дух весны и уподобишься мертвящему дыханию осени. Как же тогда помогать жизни вещей?

62

Подлинное бескорыстие не выставляется напоказ. Тот, кто хочет прослыть бескорыстным, делает это из жадности.

Великое мастерство кажется безыскусностью. Тот, кто щеголяет своим искусством, выказывает свое неумение.

63

Когда жертвенный сосуд полон, он опрокидывается. Копилка цела, когда пуста. Благородный муж предпочтет отсутствующее наличному. Он примет то, в чем чего-то недостает, и отвергнет то, что наполнено^[129].

64

Покуда не вырвешь из сердца ростки тщеславия, даже презирая богатства удельного владыки и довольствуясь тыквой-горлянкой^[130], не сможешь избавиться от пошлых мыслей.

Покуда не приведешь к покою свой дух, даже ратуя за счастье всей земли и творя благо для всех времен, не будешь счастлив.

65

Когда на сердце светло, в темном подземелье блещут небеса. Когда в мыслях мрак, при свете солнца плодятся демоны.

66

Люди считают, что обладать славой и высоким положением — великая радость. Им невдомек, что радость отсутствия славы и высокого положения — самая искренняя.

Люди считают, что терпеть голод и холод прискорбно, а не знают, что скорбеть, не страдая от голода и холода, горше всего.

67

Когда, содеяв зло, человек боится, что о том узнают, путь к добру ему еще не заказан.

Когда, сделав добро, человек радуется, чтобы о том узнали, он будет творить только зло.

68

Движущая сила Небес непостижима. Она сгибает и расправляет, расправляет и сгибает. Она играет героями и ломает богатырей. Благородный муж покорен даже невзгодам. Он живет в покое и готов к превратностям судьбы. И Небо ничего не может с ним поделаться.

69

Мучимые страстями души пышут огнем. Такие испепелят любого на своем пути.

Лишенные милосердия холодны, как лед. Такие заморозят каждого, кого повстречают.

Те, кто привязан к вещам, подобны тухлой воде и гнилому дереву: жизнь уже ушла от них. Такие никогда не смогут сотворить добро или сделать кого-то счастливым.

70

Счастья никакими ухищрениями не добьешься. Учись радоваться жизни — вот лучший способ привлечь счастье.

Беды никакими стараниями не избегнешь. Гони от себя злобу — вот лучший способ держаться подальше от беды.

71

Если из десяти слов девять истинны, не считай это достижением. Достаточно одному слову не быть истинным, и оно соберет вокруг себя тучу лжи. Если из десяти замыслов девять удались, не считай это успехом. Достаточно одному замыслу остаться неосуществленным, как вокруг вырастет лес укоров.

Вот почему благородный муж ценит молчание и отвергает суетность. Он ценит безыскусность и отвергает хитроумие.

72

В теплую погоду все живое растет, в холодную — умирает. Те, кто холоден душой, не смогут познать радость, даже если их осенит милость Небес. Только те, у кого горячее сердце, могут изведать вечное счастье и неизбывную любовь.

73

Путь небесной истины необозримо широк: стоит лишь немного помечтать о нем, и на сердце становится легко и привольно.

Путь людских страстей поразительно узок: стоит вступить на него, и вокруг будут только колючие травы да грязные лужи.

74

Беды и радости притираются друг к другу. Когда они притрутся без остатка, родится счастье, и такое счастье будет нерушимым.

Сомнение и вера друг друга поправляют. Когда они полностью поправят друг друга, появится знание, и такое знание будет полным.

75

Сознание не может не быть пустым. Когда оно пусто, в нем поселяется истина. Сознание не может не быть наполненным. Когда оно полно, в нем нет места для желания обладать вещами^[131].

76

Там, где грязь, кишит жизнь. Где вода чиста, не бывает рыбы^[132]. Благородный муж не должен чураться мирской грязи и не должен слепо подражать образцам непорочного поведения.

77

Необъезженную лошадь можно приучить к упряжке. Металлу, плавящемуся в тигле, можно придать нужную форму. Только из скучающего бездельника до конца жизни ничего не выйдет.

Байша^[133] говорил: «Иметь много болезней не зазорно. А вот если за всю жизнь ничем не переболел, — это беда». Вот истинно мудрое суждение.

78

Если у человека появится хотя бы одна корыстная мысль, его твердость обернется малодушием, знание — безрассудством, милосердие — жестокостью, а чистота — пороком. Вся жизнь его будет загублена. Вот почему древние считали бескорыстие величайшим достоянием. Тот, кто обладает им, вознесется над целым миром.

79

Зрение и слух — внешние разбойники. Желания и замыслы — разбойники внутренние.

Нужно, чтобы Хозяин^[134], не позволив себя усыпить, покойно восседал в главном зале дома^[135]. Тогда разбойники превратятся в слуг.

80

Лучше оберегать достигнутое, чем мечтать о несвершенном. Лучше предотвратить будущую ошибку, чем сожалеть о прошлом прегрешении.

81

Поведение должно быть возвышенным, но не причудливым. Мысли должны быть тонкими, но не мелочными. Характер должен быть уравновешенным, но не безвольным. Манеры должны быть благопристойными, но не жеманными.

82

Налетит ветер — и бамбук зашумит. Умчится ветер, и бамбук умолкнет. Летящий гусь отразится на поверхности замерзшего пруда. Улетит гусь — и на льду не останется его тени.

Благородный муж занимается делами постольку, поскольку в этом есть нужда. Дело кончится — и сознание его вновь становится пустым^[136].

83

Целомудренный человек всем приятен. Добрый человек мудро уладит спор. Разумный человек не станет докучать своим любопытством. Честный человек не возгордится.

Такие люди подобны меду, который не приторен, и соли, которая в меру положена в пищу. Вот это и есть высшая добродетель.

84

В бедном доме чисто метут пол. Женщина, познавшая нужду, тщательно укладывает волосы. Где красота не порождена роскошью, прекрасно целомудрие духа. Так может ли благородный муж, коли доведется ему изведать печали и тяготы, впасть в отчаяние и изменить своим идеалам?

85

Будь сосредоточен в час досуга — это тебе пригодится, когда будешь спешить. Не расслабляйся в час покоя — это пригодится, когда будешь действовать. Не обманывай в темноте^[137] — это пригодится, когда будешь на виду.

86

Следи за тем, как в тебе рождаются мысли: так ты сможешь перевести низменное желание на праведный путь. Вот так порочная мысль способна привести к духовному просветлению пробуждаясь, обретаешь подлинное сознание^[138]. Обретя же истинное сознание, весь меняешься.

Здесь кроется загадка^[139] того, как в беде приходишь к счастью, а в смерти возвращаешься к жизни. Разрешить ее нелегко,

87

В покое очищаются мысли, и ты видишь истинную суть сердца. В праздности дух становится легким, и ты прозреваешь истинный исток сердца. В безмятежности помыслы становятся глубокими, и ты постигаешь истинную основу сердца. Для того чтобы узреть свое сердце и прикоснуться к подлинному, нет ничего лучше этих трех состояний.

88

Покой среди покоя — не истинный покой. Лишь когда обретешь покой в движении, воистину постигнешь небесную природу^[140]. Веселье среди веселья — не истинная радость. Лишь когда обретешь радость в печали, поймешь, чем живет сердце.

89

Отказываясь жить для себя, не поддавайся сомнениям. Если позволишь сомнениям завладеть тобой, будешь стыдиться своих возвышенных намерений.

Делая добро, не требуй от людей благодарности. Если будешь требовать благодарности, твое желание сделать добро причинит вред.

90

Если Небо обделит меня счастьем, я восполню это силой своей добродетели. Если Небо заставит меня до изнеможения трудиться, я противопоставлю этому возвышенность своего сердца. Если Небо не даст мне удачи, я пробьюсь к ней, идя своим путем. Что может Небо поделаться со мной?

91

Благонравный человек не мечтает о лучшей доле. И Небо в благодарность за бескорыстие одаривает его счастьем. Низкий человек стремится избежать беды. И Небо в отместку за суетность лишает его разума.

Нельзя не видеть: разум Неба божествен в своей непостижимости. Что может против него человеческое разумение?

92

Певичка из веселого дома на склоне лет обращается к добродетели. И то, что она целый век распутничала, тому не помеха. Женщина из благочестивой семьи, поседев, забывает о приличиях. И то, что она всю жизнь жила в строгости, оказывается напрасным. В народе говорят: «Суди о человеке по тому, как он оканчивает свои дни».

Вот поистине замечательные слова.

93

Когда простолудин пестует добродетель и оказывает благодеяния, он — канцлер, не имеющий титула.

Когда вельможа пользуется властью в корыстных целях и торгует милостями, он превращается в нищего, наделенного высоким рангом.

94

Благая сила^[141] предков — это то, что ты получил в наследство. Надо помнить о том, как трудно было ее накопить. Благополучие потомков — это то, что зачинается тобой. Надо помнить о том, как легко его растерять.

95

Благородный муж, который делает добро неискренне, не отличается от низкого человека, творящего зло.

Благородный муж, который изменил своим принципам, хуже низкого человека, решившего измениться к лучшему.

96

Когда кто-либо из домашних совершает проступок, не следует осыпать его попреками, но не стоит и делать вид, будто ничего не произошло. Если об этом проступке неудобно говорить напрямую, скажите намеком, приведя подходящий к случаю пример. Если вас не поймут сразу, повторяйте свои наставления день за днем, и они возымеют действие подобно тому, как весенний ветер разгоняет холод и теплый воздух топит лед. Вот как следует поступать в семейной жизни,

97

Если это сердце все имеет сполна, в Поднебесном мире не окажется ничего, в чем имелся бы недостаток.

Если в душе царит безмятежность, в Поднебесном мире ничто не покажется враждебным.

98

Скромный муж непременно подвергнется оскорблениям честолюбца.

Благочестивый муж непременно навлечет на себя ненависть распутника.

Благородный муж, оказавшись в таком положении, ни в коем случае не должен изменять своим правилам или выказывать свое огорчение.

99

Когда жизнь складывается наперекор нашим желаниям, мир вокруг подобен лечебным иглам и целебным снадобьям: он незаметно нас врачует.

Когда мы не встречаем сопротивления, мир вокруг подобен наточенным топорам и острым пикам: он исподволь ранит и убивает.

100

В тех, кто вырос в богатстве и почете, страсти полыхают, как огонь пожирающий, а жажда власти жжет их, подобно раскаленной печи. Если таких не остудить воздухом чистоты, они сожгут других или сгорят сами.

101

От одного искреннего движения сердца летом выпадает иней^[142], рушатся стены города^[143], плавятся металл и камень.

У человека с лживым сердцем, даже если он телом здоров, разум все равно погиб. В обществе один вид его всем отвратителен. Наедине с собой он сам себе противен.

102

Когда литературное произведение совершенно, оно красиво и без прикрас, ибо в нем воплощена правда самой жизни.

Когда человек совершенен, он велик и без выдающихся достоинств, ибо в нем действует свободно его изначальная природа.

103

В мире обманчивой видимости не только заслуги и слава, богатство и знатность, но и всякое тело — это форма, на время полученная взаймы^[144]. В мире подлинного не только родители и братья, но и все десять тысяч вещей составляют со мной одно тело^[145].

Лишь рассеяв обман и познав подлинное, можно вынести бремя жизни в этом мире и освободиться от пут света.

104

Яства, приятные на вкус, — это отравы, от которой портится желудок и размягчаются кости. Откажись от них — и избежешь многих тягот. Пустые развлечения вредны для здоровья и губительны для добродетели. Покончи с ними — и тебе не о чем будет сожалеть.

105

Не пеняй другим за мелкие проступки. Не уличай других в злом умысле. Не припоминай старых обид. Если следовать этим трем правилам, можно взрастить в себе добродетель и избежать неприятностей.

106

Благородный муж не может поступать легкомысленно. Если я буду легкомыслен в поступках, мир опутает меня, и во мне не будет ни стойкости, ни постоянства.

В помыслах своих нельзя идти слишком далеко. Если в своих помыслах я зайду слишком далеко, вещи замарают меня, и во мне не будет ни мужества, ни свежести духа.

107

Небо и Земля пребудут вечно, а мое тело второй раз не родится. Человеческий век не превышает сотни лет, а мой день промелькнет в мгновение ока. Те, кому посчастливилось придти в этот мир, не могут не знать радости обладания жизнью и не ведать печали ее быстротечности.

108

Злоба крадется за добротой, как тень за телом. Поэтому вместо того чтобы заботиться о своей доброй славе, забудь и о доброте, и о злобе.

Ненависть появляется там, где есть милосердие. Поэтому вместо того чтобы стараться прослыть милосердным, отринь и ненависть, и милосердие.

109

Болезни старости закрадываются в нас в пору молодости. Пороки закатной поры жизни рождаются в пору расцвета сил. Поэтому благородный муж особенно осмотрителен тогда, когда все имеет в достатке.

110

Лучше заботиться об общем благе, чем добиваться милостей для одного себя.

Лучше хранить верность старым друзьям, чем завязывать новые знакомства.

Лучше тайно творить добро, чем стремиться прославить свое имя.

Лучше ничем не выделяться, чем стараться поразить мир своими добродетелями.

111

Справедливому мнению нельзя идти наперекор. Стоит один раз воспротивиться ему, и будешь опозорен навеки.

Не следует служить корыстным интересам властей предрержащих. Стоит один раз послужить им, и ты до конца жизни покроешь себя грязью.

112

Лучше упорствовать в своих заблуждениях и заслужить всеобщую неприязнь, чем изменить своим идеалам и угодить всему свету.

Лучше, не сделав зла, подвергнуться осуждению, чем, не сделав добра, удостоиться похвалы.

113

Если родственники сделают что-то неуютное вам, следует мириться с этим, не выказав своего недовольства.

Если друзья поступят с вами нехорошо, следует строго судить их, нельзя отнестись к этому беспечно.

114

Кто и в мелочах не допустит небрежности, кто не станет обманывать и в темноте, кто не падает духом даже в безнадежном положении — тот и есть настоящий герой.

115

За тысячу золотых трудно купить даже минутную радость. За одно угощение можно снискать благодарность на всю жизнь.

Поистине, когда любовь выставляют напоказ, она порождает в ответ лишь неприязнь.

Когда любовь не выпячивают, на душе легко.

116

Спрячь свое искусство под покровом неумения^[146]; используй его тайно, но делай явным.

Сокрой свою чистоту в мирской грязи; умей поступаться истиной для того, чтобы распространить ее широко. Тогда этот хрупкий сосуд, в котором нам суждено плыть по океану жизни, станет твоим надежным убежищем.

117

Расцвет и изобилие предвещают упадок и гибель. Семена новой жизни таятся в увядании и смерти. Благородный муж, наслаждаясь покоем, должен готовиться к заботам и лишениям, а терпя невзгоды, должен хранить стойкость и твердо верить в то, что успех придет к нему.

118

Тот, кто стремится прослыть оригинальным и любит все необычное, не увидит отдаленное и истинно великое.

Тот, кто изнуряет себя благочестием, стараясь превзойти всех в добродетели, не будет иметь подлинного постоянства в мыслях и поступках.

119

Когда в груди у нас бушует жаркое пламя страстей и бурлит кипящая лава желаний, мы ясно сознаем, что с нами происходит, и с таким же ясным сознанием поступаем нехорошо.

Кто же в нас сознает свою неправоту и кто поступает нехорошо^[147]? У того, кто станет неотступно об этом размышлять, бес в душе превратится в Истинного господина^[148].

120

Если тебе доверяют, не обманывай даже злодея. Если ты наделен силой, не кичись своим превосходством. Если у тебя есть достоинства, не обнажай чужих недостатков. А если у тебя нет способностей, не завидуй способностям других.

121

Чужие пороки следует исправлять, не обнажая их перед людьми. Выставляя их напоказ, ты будешь пороком изгонять пороком.

Человеческое упрямство следует побеждать наставлениями. Если нападать на него открыто, ты станешь упрямство исправлять упрямством.

122

С человеком скрытным и молчаливым нельзя быть откровенным.

С человеком злым и самовлюбленным нужно держать язык за зубами.

123

Когда мысли разбросаны, надо знать, как их собрать. Когда мысли сошлись в одной точке, надо знать, как их рассеять. Если не уметь этого, то, даже одолев помраченность, тебе не удастся изгнать из сердца беспокойство.

124

Голубое небо внезапно скрывают грозовые тучи. Пронзительный ветер и яростный ливень вдруг уступают место светлой луне и прозрачным небесам. Дух-движитель^[149] не знает преград и не останавливается ни на мгновение. Разве возможно хотя бы малейшее препятствие для Великой Пустоты^[150]? Вот таким должно быть человеческое сердце.

125

Когда заходит речь о победе над собой и обуздании страстей, одни говорят: «Если прежде не будет должного знания, никакое подвижничество не поможет». Другие же говорят: «Когда перестанешь беспокоиться о знании, твоя воля сама собой станет безупречной».

В действительности знание — это светлая жемчужина, сиянием своим рассеивающая мрак соблазнов. Воля — это меч мудрости, рассекающий пелены соблазнов. Ни то, ни другое нельзя недооценивать.

126

Если тебя обманывают, не подавай вида, что догадался об этом. Если тебя унижают, не выказывай своего гнева.

В таком поведении есть неисчерпаемый смысл и беспредельная польза.

127

Невзгоды и тяготы — это горнило, в котором закаляется выдающийся человек. У того, кто получил такую закалку, душа и тело живут в согласии. У того, кто не выдержал такой закалки, душа и тело будут друг другу помехой.

128

Тело каждого из нас — маленькие Небо и Земля. Когда радость и гнев в нем не нарушают меры, а пристрастия и неприязнь не отклоняются от должного, во мне приходит к завершению вселенское согласие.

Небо и Земля — наши великие отец-мать. Когда люди не ведают недовольства и ничто из вещей не терпит нужды, мир наполняется родственной любовью.

129

Нельзя желать зла другому, но нужно уметь распознавать козни других. Вот полезный совет для человека доверчивого.

Лучше стать жертвой людских наветов, чем бояться совершить добрый поступок. Вот хороший совет для человека подозрительного.

130

Нельзя в угоду всеобщему заблуждению отречься от своей правды.

Нельзя, полагаясь на личное мнение, опровергать слова других. Нельзя ради собственной корысти наносить урон общему благу. Нельзя, ссылаясь на общее мнение, искать для себя личных преимуществ.

131

Даже если у человека хорошая репутация, не следует его хвалить, пока судьба не сведет тебя с ним.

Он может оказаться скрывающим свое истинное лицо негодяем.

Даже если у человека дурная репутация, не следует его бранить, пока судьба не сведет тебя с ним. Может статься, что на него возводят напраслину.

132

Благородство, подобное сверкающему небосводу и яркому солнцу, возвращается в темном углу дома.

Могущество, движущее небесами и землей^[151], доступно лишь тому, кто живет так, словно всегда стоит над пропастью и ступает по тонкому льду.

133

Когда любовь отца, почтительность сыновей и взаимное уважение братьев достигают совершенства, они воспринимаются как нечто вполне естественное, и о них даже никто не задумывается.

Когда человек, сделавший добро, бескорыстен, а тот, кто удостоился его милости, испытывает искреннюю благодарность, они подобны двум незнакомцам, которые случайно сторговались на дороге и разошлись.

134

Не бывает красоты, которой не противостояло бы уродство. Если я не стремлюсь казаться красавцем, кто сможет приписать мне уродство? Не бывает чистоты, которой не противостояла бы грязь. Если я не стремлюсь казаться чистым, кто сможет вымазать меня грязью?

135

У богатых и знатных людей смятения в душе больше, чем у людей бедных и презренных. Родственникам завидуют больше, чем чужим.

Если не противопоставишь этому умиротворенность сердца и равновесие духа, ни единого дня не проживешь без душевных мук.

136

Заслуги и прегрешения людей нельзя смешивать. Если их смешать, в сердцах людей начнется разброд.

Свою любовь и неприязнь нельзя выказывать слишком откровенно. Если они будут очевидны, люди начнут хитрить.

137

Чинами и званиями не следует чересчур выделяться. Если будешь слишком выделяться своим положением, подвергнешь себя опасности.

В искусстве не следует добиваться полного совершенства. Если искусство будет столь совершенно, неизбежно его растеряешь.

Поведение не должно быть чрезмерно возвышенным. Если оно будет слишком возвышенным, навлечешь на себя хулу и погибнешь.

138

В зле страшна скрытность. В добре страшно стремление быть на виду. Поэтому вред, причиненный видимым злом, поверхностен, а причиненный злом скрытым — глубок. Когда добро очевидно, польза от него мала, а когда сокрыто — велика.

139

Добродетель — госпожа таланта, а талант — слуга добродетели. Если в доме нет хозяина и всем распоряжается слуга, разве не воцарятся в нем бесовщина и помрачение?

140

Воюя с негодями, оставляй им путь к отступлению. Быть к ним беспощадным — все равно что наглухо закупоривать мышиную нору: тогда мыши, сдохшие в норе, отравят все вокруг.

141

Вину за промахи следует брать на себя наравне с другими, но не стоит претендовать на равные с другими заслуги. Когда у людей заслуги равны, между ними вспыхивает вражда. Можно разделять с другими их тяготы, но не следует делить с ними их радости. Тот, кто хочет соучаствовать чужой радости, возбуждает ненависть к себе.

142

Добродетельный муж может по бедности быть не в состоянии помочь другим, но, встретив заблудившегося человека, одним словом откроет ему глаза, а встретив человека в затруднительном положении, одним словом избавит его от трудностей. Вот что такое «бескрайняя добродетель»^[152].

143

Когда люди голодны, они льнут друг к другу, а когда сыты — поворачиваются друг к другу спиной. Когда человек знатен, с ним ищут знакомства, а когда беден — избегают. Таковы повсеместные пороки человеческих отношений. Благородный муж должен быть всегда хладнокровен и не выказывать опрометчиво твердость характера^[153].

144

Добродетель зависит от широты кругозора, а кругозор растет благодаря знанию^[154]. Поэтому тот, кто хочет упрочить свою добродетель, не может не расширять свой кругозор. А чтобы расширять свой кругозор, нужно увеличивать свое знание.

145

Когда во тьме загорается одинокий огонек и для нас умолкают звуки флейты, поющей на десять тысяч ладов^[155], нам открывается незыблемый покой бытия.

Когда мы пробуждаемся от снов наяву и для нас замирают все движения мира, нам открывается первозданный Хаос бытия^[156].

Если в такие мгновения, обретя девственную ясность мысли, «пролить свет на себя самого»^[157], становится понятным, что слух и зрение, вкус и обоняние — пути духа, а желания и страсти — сплошное наваждение.

146

Того, кто требователен к себе, всякое дело излечивает, как целебное снадобье. Того, кто ищет недостатки в других, всякая мысль ранит, как острие копья. Первый открывает всем путь к добру. Второй тянет всех в пучину зла. Они далеки друг от друга, как облака в небе и грязь на земле.

147

Наши деяния и ученость уйдут вместе с нами, а дух целую вечность юн. Заслуги и слава, богатство и знатность меняются вместе с веком, а в океане жизни тысяча лет — как один день.

Поистине, благородный муж не променяет вечное на бренное.

148

Ставят невод на рыб, а попадает в него дикий гусь. Богомол, хватая добычу, не замечает, как сзади к нему подкрадывается воробей.

На каждую хитрость найдется другая хитрость. Всякое происшествие ведет к еще неведомым событиям. Как же можно полагаться на свое знание и разумение?

149

Если в человеке нет ни одной искренней мысли, он подобен нищему, который отовсюду уходит с пустыми руками.

Если у человека нет ни одного подлинного увлечения, он подобен деревянному истукану, который стоит там, где его поставили.

150

Если воду не мутить, она сама по себе отстоится. Если зеркало не пачкать, оно само по себе будет отражать свет.

Человеческое сердце невозможно сделать чистым усилием воли. Устраните то, что его загрязняет, и его чистота проявится сама собой.

Радость незачем искать вовне себя. Устраните то, что доставляет вам беспокойство, и радость сама собой воцарится в вашей душе.

151

Одной мыслью можно преступить законы богов. Одним словом можно разрушить согласие Неба и Земли. Одним поступком можно навлечь беду на потомков.

Вот о чем следует особенно крепко помнить.

152

Человека, бездействующего в решительный момент, лучше оставить в покое, и тогда он сам соберется с мыслями. Не следует его торопить, вызывая в нем раздражение. Человека, не следующего доброму примеру, лучше предоставить самому себе, и тогда он исправится сам. Не следует попрекать его, порождая в нем упрямство.

153

Усердие в благочестии внушает презрение даже к знатнейшим людям государства. Занятие литературой побуждает презирать даже песню «Белый снег»^[158]. Если то и другое не закалить в горниле добродетели, первое в конце концов станет средством потешить тщеславие, а второе — ничтожным ремесленничеством.

154

Уходить со службы надо тогда, когда находишься в зените славы.

Жить на покое надо там, где не придется соперничать с другими.

Взращивая в себе добродетель, будь добродетелен в мелочах.

Оказывая милость, делай добро тому, кто не сможет тебя отблагодарить.

155

Лучше быть другом старца, живущего в горах, чем приятелем рыночного торговца.

Лучше быть хозяином в тростниковой хижине, чем гостем в доме с красными воротами^[159].

Лучше слушать песни дровосеков и пастухов, чем прислушиваться к уличным сплетням.

Лучше напоминать миру о великих словах и славных делах древних, чем сокрушаться об испорченности современных нравов.

156

Добродетель — фундамент всякого дела. Не бывает, чтобы фундамент был неустойчив, а здание простояло долго.

Сердце — корень всего совершенного нами. Не бывает, чтобы корень был непрочен, а ветви выросли могучими.

157

Когда-то один человек сказал: «Есть люди, которые просят по домам подавание, не замечая неисчислимых богатств в собственном доме». Говорят и так: «Внезапно разбогатевший бедняк бахвалится своим богатством. В каком доме огонь горит без дыма?»

Первое изречение говорит о неспособности увидеть то, чем обладаешь, второе — об ослепленности тем, чем владеешь. И того и другого следует остерегаться.

158

Праведный путь — это общее достояние. Он расстилается перед каждым из нас. Учение — это наш хлеб насущный. Никто не может им пренебречь.

159

Если мы доверяем другому, то, даже если он не вполне доверяет нам, мы сами всегда относимся к нему с полной искренностью.

Если мы не доверяем кому-то, то, даже если он никогда не обманывает нас, мы сами готовы его обмануть.

160

Великодушные мысли подобны благотворному весеннему ветру: когда он веет, все в природе оживает.

Злобные мысли подобны морозному инею: когда он выпадает, все живое гибнет.

161

Содеянное человеком добро не обязательно можно увидеть сразу. Часто оно подобно тыкве, зреющей под листвой незаметно для постороннего взгляда.

Причиненное человеком зло тоже не обязательно можно увидеть сразу. Часто оно подобно земле, которая весной мало-помалу выступает из-под снега.

162

Когда встречаешь старого друга, чувства переживаются с особенной силой. Когда делают что-то скрытно, намерения становятся особенно явными. Когда встречаются с благородным мужем, правила вежливости соблюдают особенно строго.

163

Подвижник трудится ради истины и добра, а люди в миру смотрят на труд как на способ разбогатеть. Бескорыстный человек равнодушен к приобретениям, а люди в миру считают бескорыстие средством заработать почет.

То, что для благородного мужа — святой долг, для низкого человека — средство удовлетворения своих корыстных желаний. Как это прискорбно!

164

Тот, кто живет, повинуюсь настроению, то берется за дело, то забрасывает его. Может ли он править «колесницей, не поворачивающей вспять»^[160]? Для того, кто ищет просветление, повинуюсь своим чувствам, прозрение неотделимо от заблуждения. У такого в душе никогда не загорится «вечно сияющий светильник»^[161].

165

Ошибки других нужно уметь прощать, а собственные промахи непростительны.

Собственные лишения можно стерпеть, но вид чужих страданий невыносим.

166

Преодоление пошлости — вот в чем величие человека. Но нарочитое стремление к величию делает человека не великим, а вздорным.

Не быть запачканным грязью пошлого света — вот в чем чистота души. Но

тот, кто добивается чистоты, отворачиваясь от мира, станет не чистым, а суетным.

167

Милость должна проистекать из безучастия, но быть щедрой. Если вы сначала щедры, а потом становитесь безучастными, люди забудут добро, которое им сделали.

Власть должна проистекать из строгости, но быть великодушной. Если она сначала великодушна, а потом строга, люди будут недовольны ее притеснениями.

168

Только когда сердце пусто, природа человека проявляется воочию. Пытаться узреть природу, не успокоив сердце, — все равно что ловить отражение луны в ряби вод.

Только когда помыслы чисты, сердце наполняется духовным светом. Пытаться раскрыть светоч сердца, не овладев своими помыслами, — все равно что чистить зеркало, покрывая его пылью.

169

Я знатен — и люди чтут меня. Правда, то, что они чтут, — это высокая шапка и широкий пояс^[162]. Я унижен — и люди презирают меня. Но то, что они презирают, — это холщовый халат и соломенные сандалии.

На самом деле люди почитают не меня — чему же мне радоваться? Они презирают не меня — чему же мне огорчаться?

170

«Когда ем, всякий раз оставляю еду для мышей. Из жалости к мотылькам не жгу ночами лучину»^[163]. Такие мысли древних поддерживают в нас источник нашей жизни^[164]. Без них мы будем тем, что зовут «истуканами из дерева и глины», только и всего.

171

Жизнь сердца — это жизнь самого Неба.

Радость в сердце — веселый блеск звезд и ликующее сияние облачных высей. Гнев в сердце — ярость грозы и неистовство ливня. Любовь в сердце — ласковый ветер и сладкая роса. Одержимость в сердце — палящее солнце и морозный иней.

Как же можно жить без сердца? Следуй всем превращениям, происходящим

в нем, будь безмятежен, ничему не препятствуй, и тогда будешь жить одной жизнью с Великой Пустотой.

172

В часы безделья ум тупеет. Используй покой для того, чтобы поддерживать бодрость духа.

В часы поглощенности делами ум теряется. Используй бодрствование духа для того, чтобы обрести душевный покой.

173

О чужих поступках судят по их последствиям; и здесь следует учитывать прежде всего то, насколько они полезны или вредны.

Занимаясь собственными делами, нужно посвящать им себя целиком, отбросив мысли о пользе и вреде своих поступков.

174

Благородный муж, занимая высокий пост, в поступках должен блюсти приличия, а в мыслях должен быть невозмутим. Он не должен никому потворствовать и приближать к себе корыстолюбцев. Но он также не должен быть резок и не должен жалить, подобно пчелам и скорпионам.

175

Тот, кто старается показать пример благопристойного поведения, в своем усердии непременно станет жертвой злословия.

Тот, кто более других преуспел в учении, из-за своей учености неизбежно попадет в беду.

Поэтому благородный муж сторонится дурных дел, но и не стремится к славе. Без усилий всегда быть безмятежным — вот истинное сокровище в этой жизни.

176

Встретив лжеца, попробуй тронуть его сердце искренностью.

Встретив человека жестокосердного, попробуй смягчить его добротой.

Встретив скаредного человека, попробуй исправить его бескорыстием.

В целом мире ничто не может избежать «плавильного котла» добродетели^[165].

177

Одна добрая мысль водворит согласие в целом мире. Одна крупица чистоты сердца будет источать благоухание целую сотню веков.

178

Хитроумие и вычурные манеры, дерзкие поступки и необычное умение — все это источник несчастий на свете. Только обыкновенные добродетели и скромное поведение могут возвратить нас к первозданной полноте бытия и водворить мир в нашей душе.

179

Есть одно изречение, гласящее: «Поднимаясь в гору, имей мужество пройти по обрывистой тропе. Идя по снегу, имей мужество пройти по скользкому мосту».

В слове «мужество» заключен глубочайший смысл. Если на опасных поворотах жизни и на ухабах мирских путей тебе не достает мужества, непременно застрянешь в какой-нибудь заросшей бурьяном яме.

180

Те, кто гордится своими заслугами и бахвалится своей ученостью, живут, ища опоры вовне себя. Они не знают, что сердце само по себе сияет, словно драгоценная яшма.

Тот, кто сохранил в себе первозданный свет сердца, воистину велик и праведен, даже если не имеет никаких заслуг и не прочел ни одного иероглифа.

181

Если хочешь быть безмятежным в минуту волнений, прежде научись владеть собой в час покоя.

Если хочешь быть невозмутимым среди суеты, прежде научись воздавать должное Истинному господину^[166] в минуты праздности.

В противном случае будешь испытывать затруднения в любых обстоятельствах и ни одного дела толком не сможешь сделать.

182

Не затемняй своего сердца. Не обнажай чувств других. Не растрачивай понапрасну силу вещей.

Следуя трем этим правилам, можно жить одной жизнью с Небом и Землей^[167], дать отдохновение людям, принести счастье потомкам.

183

Находясь на службе, помни две истины: «Только беспристрастность излучает свет мудрости. Только бескорыстие рождает авторитет».

Когда же выйдешь в отставку и вернешься в родной дом, следует помнить тоже о двух истинах: «Только радушие приносит покой. Только от бережливости бывает достаток».

184

Живя в богатстве и почете, помни о тяготах бедных и униженных. Будучи молодым и сильным, помни о горестях немощных стариков.

185

Когда живешь в миру, нет необходимости чересчур заботиться о своей репутации. Грязь оскорбления можно с себя стряхнуть.

В отношениях с людьми не следует быть слишком педантичным. Добро и зло, ученость и невежество надо принимать равнодушно.

186

Не враждуй с низким человеком. Низкий человек имеет врагов лишь среди себе подобных.

Не старайся угодить благородному мужу. Благородный муж не оказывает услуг из корысти.

187

Несдержанность в чувствах устранить легко, а вот упрямство и предубеждение искоренить трудно.

Бедность в жизни устранить нетрудно, а вот от скудости ума избавиться нелегко.

188

Наш дух должен быть прочным, как металл, закаленный сотню раз. Не имеющие терпения этого не добьются.

Наша доброта должна быть полновесной, как самострел весом в тысячу цзюней^[168].

Привыкшие стрелять, не прилагая усилий, не смогут воспользоваться таким оружием.

189

От низких людей лучше слышать брань, чем похвалу. Лучше заслужить упрек благородного мужа, чем видеть его безразличие.

190

Человек корыстный далеко отстоит от правды. Вред от него очевиден и поверхностен.

Человек тщеславный прикрывается правдой. Вред от него неприметен и глубок.

191

Не отблагодарить человека за оказанную им большую милость, но отомстить за нанесенную им маленькую обиду; прослышав о чьих-то пороках, не сомневаться в их существовании, даже если они не видны; но не верить в доброту человека, даже если она очевидна, — вот предел бездушия и вершина черствости. Тех, кто так поступает, следует остерегаться пуще всего на свете!

192

Злопыхатели и клеветники — словно облачко, набежавшее на солнце: надолго затмить добродетель они не могут.

Льстецы и подхалимы — словно дуновение легкого ветерка: не замечаешь, как они проносятся мимо.

193

Высоко в горах нет деревьев, а на дне ущелий растет пышная поросль. В стремнине реки не бывает рыбы, а в глубоких омутах рыба водится в изобилии.

Благородный муж должен помнить о том, что безупречное поведение и самозабвенная устремленность имеют свои изъяны.

194

Среди обладателей почетных наград и знатных титулов много пустозвонов и приспособленцев. А среди людей неудачливых и нерасторопных много твердолобых упрямцев.

195

Живя среди людей, не обязательно все делать так, как требуют правила хорошего тона, но и не следует совершенно пренебрегать приличиями.

Лучше вести себя так, чтобы не возбуждать в людях неприязнь и не вызывать их восхищения.

196

В лучах закатного солнца небосклон горит особенно ярко. На исходе года мандариновое дерево благоухает особенно сильно.

В конце жизненного пути, на склоне лет дух благородного мужа во сто крат прекраснее.

197

Ястреб сидит так, словно спит. Тигр ходит так, словно болен^[169]. Именно поэтому они могут схватить и растерзать человека.

Благородный муж не должен раскрывать свою мудрость и показывать свой талант. Только так он возымеет силу свершить великое дело.

198

Бережливость — великая добродетель. Но если не знать в ней меры, она превратится в обыкновенную скарденность и станет пороком.

Уступчивость — превосходная черта характера. Но если не знать в ней меры, она превратится в угодничество и робость и сделает человека льстецом.

199

Не злись на то, что противоречит твоим намерениям. Не радуйся тому, что тешит твою душу. Не старайся оградить себя от беспокойства. Не сдавайся при первой неудаче.

200

Если в доме проводят много времени за пиршествами и развлечениями, значит, это нехорошая семья.

Если изо всех сил добиваются славы, значит, это нехорошие юноши.

Если много думают о почестях и заслугах, значит, это нехорошие подданные.

201

Люди в миру хотят жить весело, но из-за желания веселиться попадают в беду.

Постигший истину не ищет радости, но в конце концов обретает ее в невзгодах.

202

Тот, кто живет в полном достатке, подобен наполненной до краев чаше, из которой вот-вот прольется вода. Такой страшится и одной лишней капли. Тот, кто погряз в суете, подобен сгнившему дереву, которое вот-вот рухнет. Такой боится даже малейшего толчка.

203

Хладнокровно смотри на других. Хладнокровно слушай других. Хладнокровно размышляй. Хладнокровно переживай.

204

Честный^[170] человек душой возвышен, поэтому его радость глубока и неизбывна. На всем, что он совершил, лежит печать свободы. Подлый человек душой низок, поэтому радость его мелка и скоротечна. Все содеянное им выдает ущербность.

205

Услыхав о чем-то дурном поступке, не спеши осуждать этого человека. Может статься, это порядочный человек, который пал жертвой клеветы. Услыхав о чем-то хорошем поступке, не ищи поспешно дружбы с этим человеком. Может статься, это негодяй, который желает обзавестись доброй репутацией.

206

Если душа черства, а сердце загрузело, ни в одном деле не добьешься удачи. Если сердце покойно, а дух уравновешен, счастье само найдет тебя.

207

Нельзя быть слишком требовательным к подчиненным, ибо так можно отдалить от себя преданных людей. Нельзя быть слишком терпимым к друзьям, иначе в друзьях у тебя окажутся одни ничтожества.

208

Под свирепым ветром и проливным дождем нужно уметь прочно стоять на ногах. Там, где цветут пышные цветы и красуются ивы, нужно уметь обращать свой взор в небеса.

Вступив на гибельный путь, опасную тропу, нужно уметь вовремя повернуть назад.

209

Истинно благочестивые люди умеют ладить с другими и не позволяют вспыхнуть вражде.

Люди, заслуженно почитаемые, умеют создать впечатление, что их заслуги принадлежат всем. Они не позволят зависти завладеть чьим-либо сердцем.

210

Великий человек на службе не должен быть бесцеремонен и давать повод для легкомысленных поступков.

Выйдя в отставку и вернувшись на родину, он не должен быть слишком церемонен. Ему следует проявлять радушие и не чураться старых друзей.

211

Великих людей нельзя не страшиться. Если их страшиться, не будешь развязен.

Низких людей тоже нельзя не страшиться. Если их страшиться, не прослывешь заносчивым.

212

Если тебя преследуют неудачи, подумай о тех, кто неудачливее тебя, и твои обиды рассеются.

Если в твое сердце закрадется нерадивость, подумай о тех, кто преуспел больше тебя, и ты воспрянешь духом.

213

Не давай обещаний сгоряча. Не сердись во хмелю.

Не строй планы в радостном возбуждении. Не откладывай незаконченного дела под предлогом того, что ты устал.

214

Тот, кто искусен в чтении, вкушает радость познания, не отбрасывая «верши и силков»^[171].

Тот, кто искусен в созерцании, прозревает тайны сердца и духа, не привязываясь к явленному.

215

Небо одаривает мудростью одного человека, чтобы рассеять невежество толпы. А такие люди, напротив, используют свои достоинства для того, чтобы пенять другим за их недостатки.

Небо одаривает богатством одного человека, чтобы выволить из нищеты множество людей. А такие люди, напротив, держатся за то, что имеют, и заставляют бедных терпеть лишения.

Вот, поистине, «семя, заслужившее проклятие Неба»^[172]!

216

Прозревший человек «ни о чем не размышляет, ни о чем не беспокоится»^[173].

Темный человек ничего не знает, ни о чем не ведает. Эти двое могут сговориться и действовать сообща.

Посредственность много рассуждает и много хлопочет, о многом любопытствует и строит много планов. Оттого она относится к другой посредственности с подозрением, и заставить их действовать сообща нелегко.

217

Уста — ворота ума. Если держать их открытыми, ум ускользнет наружу. Воображение — ноги ума. Если его не обуздать, оно уведет ум с правильного пути.

218

Когда судишь других, ищи в их вине отсутствие вины. Тогда в людях будет согласие.

Когда судишь себя, ищи вину там, где вины не видно. Тогда твои добродетели еще более упрочатся.

219

Наши потомки — это взрослые люди в утробе. Сю-цай^[174] — это царедворец в яйце. Если в юную пору не очистить и не закалить их души, то в будущем, когда они выйдут в мир и поступят на службу, из них уже не получится добротный материал.

220

Благородный муж, попав в беду, не горюет, а веселясь с друзьями, не теряет головы. Он не робеет перед сильными мира сего и сострадает убогим и сирым.

221

Персик и слива красивы на вид, но их красоте не дано обладать долговечностью сосны и кипариса^[175]. Груши и абрикосы сладки на вкус, но их сладость не обладает стойкостью аромата апельсинов и мандаринов. Можно ли сомневаться в том, что пышная, но быстротечная красота не сравнится с красотой скромной, но долговременной и что ранние цветы не сравнятся с поздними плодами?

222

В безмятежности и покое обыденного существования прозреваешь правду жизни.

В тишине и бесцветности повседневного бытия постигаешь истинную природу сердца.

Собрание второе

1

Тот, кто рассуждает о прелестях жизни в горах и лесах, не обязательно жаждет уединения в горах и лесах.

Тот, кто не терпит разговоров о славе и удаче, не обязательно перестал о них мечтать.

2

Рыбная ловля — беспечное занятие. Но в руках вы держите орудие, могущее лишить жизни. Игра в шахматы — безобидное развлечение. Но оно внушает мысль о смертельном поединке^[176].

Нельзя не видеть: из всех дел самое приятное — безделье, а великая правда^[177] безыскусной жизни превышает самой тонкой изощренности.

3

Пора цветения трав, когда поет иволга и склоны гор одеваются в зеленый наряд, — это обманчивая видимость нашего мира.

Когда ручьи пересохнут, деревья сбросят листву и скалы оголятся, взору воистину явится доподлинное естество Неба и Земли^[178].

4

Годы и месяцы тянутся долго, а суетливый человек сам себя торопит. Небо и Земля простираются широко, а низкий человек сам себя стесняет.

Времена года повинуются непреложному закону, а человек докучливый не перестает сомневаться и всю жизнь пребывает в суете.

5

Чтобы доставить человеку удовольствие, не требуется многого. Сад на подносе^[179] может подарить нам истинное наслаждение.

Чтобы любоваться пейзажем, не обязательно отправляться далеко. Луна, глядящая в окно, может повергнуть нас в восхищение.

6

Услышав удар колокола в ночной тишине, пробуждаешься ото сна, в котором видишь сны^[180].

Созерцая отражение луны на глади вод, прозреваешь сущность помимо всех сущностей^[181].

7

В щебете птиц и жужжании насекомых хранится тайна послания от сердца к сердцу^[182]. В красках цветов и узорах трав проступают письма святой правды.

Тот, кто предан учению, должен в самом себе постичь движущую силу Неба и душою стать, как чистая яшма. Тогда в каждом соприкосновении с вещами он будет постигать правду жизни.

8

Люди умеют читать книги, состоящие из писем, но не умеют читать книгу, не имеющую писем. Им ведомы звуки цитры, имеющей струны, но не ведомы звуки цитры без струн^[183].

Если жить мертвой видимостью вещей и не внимать жизни духа, поймешь ли, что такое книга без писем и цитра без струн?

9

Сердце, в котором исчезло желание обладать чем-либо, — все равно что осеннее небо, прояснившееся после ненастья, и океан, успокоившийся после бури.

Если рядом оказываются цитра или книга, ты попадаешь в Каменные палаты Киноварной горы^[184].

10

Приятели и незнакомцы сходятся на пир и без удержу предаются веселью. Но вдруг иссякает вода в часах, гаснут светильники, рассеиваются благовония и остывает чай, разлитый в чашки. Тогда в душу закрадывается грусть и пропадает охота веселиться.

Вот так мы живем в этом мире. Почему люди не могут оглянуться на свою жизнь пораньше?

11

У того, кто постигнет суть вещей, в одном вершке сердца сойдется лунная дымка Пяти озер^[185].

Тот, кто прозреет предвечный импульс^[186] всех превращений, заключит в объятия великие свершения всех времен.

12

Даже горы, реки и вся земля обратятся в прах. Что же говорить о прахе, рожденном от праха^[187]?

Даже тело во плоти и крови — это тень. Что же говорить о тени, отбрасываемой тенью^[188]?

Если не стяжать высшего знания, не наступит и просветления в сердце.

13

Жизнь человека — что искра, высеченная из кремня. Как бы ни старался он светить ярче других, мрака ему все равно не рассеять.

Мир людей — что рожки улитки^[189]. Как бы ни боролись между собой его обитатели за верховенство, разве дано им обладать вселенной?

14

Выгоревшая лампада не осветит тьму. Ветхая одежда не согреет. И то и другое — только видимость.

Но тот, кто «телом подобен высохшему дереву, а сердцем — мертвому пеплу», поневоле оказывается в плену пристрастия к пустоте^[190].

15

Решившись остановиться, остановись не медля. Ведь если ждать благоприятного часа, и женитьба не уменьшит забот, и уход в монахи не прибавит мудрости.

Когда-то один человек сказал: «Хочешь уйти — уходи, не мешкая. Если дожидаться удобного случая, он никогда не придет*. Вот воистину замечательное суждение!

16

Если хладнокровно смотреть на горячность, поймешь, что лихорадочная поспешность бесполезна.

Если от суеты обратиться к праздности, узнаешь, что удовольствие праздной жизни самое прочное.

17

Тому, кто смотрит на богатого и знатность как на плывущие облака^[191], нет нужды скрываться в горных ущельях.

Тот, кто не питает слабости к красивым пейзажам, часто во хмелю слагает стихи.

18

Тот, кто соперничает с другими и полагается на мнение других, не замечает всеобщего опьянения.

Тот, кто дорожит бесстрашием и думает только о себе, не сможет стать одиноким трезвенником^[192].

Говоря о таких людях, Будда учил не связывать себя вещами и не связывать себя пустотой. И тело, и сознание должны быть предоставлены самим себе.

19

Продолжительность времени определяется нашим восприятием. Размеры пространства обусловлены нашим сознанием. Поэтому, коли дух покоен, один день сравнится с тысячей веков, а коли помыслы широки, крохотная хижина вместит в себя целый мир^[193].

20

Потеряй, а потом потеряй желание терять^[194]. Тогда, выращивая цветы и сажая бамбук, станешь другом Небывалого учителя^[195].

Забудь то, что уже не забывается. Тогда, возжигая благовония и заваривая чай, не будешь ждать юношу в белых одеждах^[196].

21

Неисчерпаемы явления мира. Тот, кто умеет быть довольным малым, живет в мире блаженных, а тот, кто не умеет, — живет в мире обыкновенных людей.

У каждого явления есть причина. Тот, кто постиг исток всего сущего, несет в мир жизнь, а тот, кому он неведом, несет в мир смерть.

22

Если тянуться к сильным мира сего и искать покровительства власть имущих, несчастье навлечешь на себя немалое, и грянет оно скоро.

Если хранить свой покой и оберегать свою свободу, наслаждение получишь самое чистое и продлится оно долго.

23

Вдоль горного ручья, поросшего соснами, пройдишь в одиночестве с посохом в руке.

Замри и почувствуешь: облака наполнили складки ветхого халата.

Подремли с книгой у окна, заросшего бамбуком. Проснешься и увидишь: луна забралась в истертое одеяло.

24

Страсти обжигают, подобно пламени. Но стоит мелькнуть мысли о болезни, и душа становится подобной холодному пеплу.

Мечты о славе и наградах сладки, как мед. Но стоит подумать о смерти, и они покажутся безвкусными, как воск.

Поэтому тот, кто всегда печалится о смерти и помнит о болезнях, сможет отринуть иллюзии и сердцем пребывать на праведном пути.

25

Дорога, на которой люди соперничают друг с другом, узка. Отступить на ней один шаг — значит на шаг дать себе больше простора.

Сильный аромат недолговечен. Если слегка разбавить его, он будет устойчивее.

26

Тот, кто в минуту волнения не поддается суете, несомненно, взрастил чистоту духа в часы покоя.

Тот, кто в свой смертный час не теряет самообладания, несомненно, при жизни постиг суть вещей.

27

Наслаждаясь уединенной жизнью в лесу, не ведаешь ни славы, ни позора. Идя стезею истины, не ведаешь ни пристрастий, ни отвращения.

28

Жару в доме нет нужды устранять. Устраните раздраженность жарой, и ваше тело всегда будет пребывать в прохладных покоях.

Бедность нет нужды гнать прочь. Прогоните обеспокоенность бедностью, и ваше сердце всегда будет пребывать в чертогах радости и довольства^[197].

29

Сделав шаг вперед, подумай, сможешь ли отступить. Тогда избежишь участи бодливого барана, чьи рога застряли в стене^[198].

Прежде чем начать какое-либо дело, прикинь, сможешь ли завершить его. Тогда не уподобишься тому, кто взялся ехать верхом на тигре.

30

Когда жадному человеку преподносят золото, он не доволен тем, что ему не поднесли яшму, а когда его производят в *гуны*, негодует на то, что ему не пожаловали титул *хоу*^[199]. Хотя он могуществен и богат, ему нравится казаться нищим.

Тому, кто знает, каково жить в довольстве, похлебка из лебеды покажется слаще отборного риса, холщовый халат — теплее лисьей шубы, удел податного человека — завиднее судьбы царедворца.

31

Кто умеет держаться вдали от славы, могущественнее того, кто славы домогается.

Кто умеет пренебрегать делами, имеет больше воли, чем тот, кто жаждет успеха в делах.

32

Те, кто жаждет покоя и уединения, созерцают «белые облака над далекими вершинами»^[200] и проникают в сокровенное^[201].

Те, кто увлечен блеском жизни, любят чарующие песни и соблазнительные

танцы и забывают об усталости.

Но только мужи, познавшие себя, не жаждут уединения и не увлечены блеском жизни. Они не делают ничего, что вносило бы в душу разлад.

33

Взгляни на одинокое облако, вырастающее из горы: что ни предпринимай, невозможно преградить ему путь.

Взгляни на светлое зеркало, висящее в небе^[202]: как ни старайся, с места его не сдвинуть.

34

Непреходящий вкус таится не в душистых винах, а в горохе и воде.

Печальные думы рождаются не в мертвой тишине, а среди звуков свирели и струн.

Надобно знать: густой аромат не продержится долго. Благоухание того, что лишено аромата, — единственно подлинное.

35

Чаньские наставники учили: «Если тебе хочется есть — ешь. Если тебе хочется спать — спи»^[203]. О высшем смысле поэзии говорят: «Описывая то, что видишь перед собой, говори обычными словами».

Поистине, самое возвышенное пребывает в самом обыденном, а самое сложное кроется в самом простом. Тот, кто одержим идеями, далек от истины, а тот, кто не умствует, близок к ней.

36

Воды реки бегут, не останавливаясь ни на миг, а на берегу не слышно ни звука. Так постигаешь безмолвие среди шума.

Горы высоки, а облака минуют их, не встречая преград. Так открываешь тайну^[204] погружения в беспредельное.

37

Горные леса — место возвышенного уединения, но стоит принести туда страсти, и оно уподобится базарной площади или царскому двору.

Каллиграфия и живопись — изысканные занятия, но стоит заразиться алчностью, и они уподобятся рыночному товару.

Когда сердце не запачкано, мир желаний — царство блаженных. Когда сердце опутано страстями, обитель радости превратится в океан страданий.

38

Когда живешь в шуме и суете, забываешь даже о том, о чем нетрудно помнить. Когда погружаешься в тишину и покой, вспоминаешь даже то, что забыто за давностью лет.

Нельзя не видеть: покой и суетность далеко отстоят друг от друга; помраченность и ясность ума ни в чем друг с другом не сходятся.

39

Завернувшись в рогожу, спать в горной хижине среди облаков и снегов: так можно сберечь бодрость духа.

Осушая чашу вина с листочком бамбука, слушать шум ветра и любоваться луной: так можно отряхнуть с себя прах этого мира.

40

Знатного вельможу встреча со старцем, живущим в горах, сделает возвышеннее. Рыбаков или дровосеков встреча с именитым царедворцем сделает суетнее.

Надобно знать: пышное не одолеет скромное; низменное не поднимется до возвышенного.

41

Мудрость отрешенности от мира заключена в умении жить в гуще этого мира. Чтобы уйти от света, не нужно рвать с людьми.

Правда сердца в том, чтобы предоставить ему свободу. Не нужно «устранять желания» и делать сердце подобным «мертвому пеплу».

42

Это тело всегда находит вдохновение в праздности. Кто может обременить нас почетом или позором, приобретениями или утратами?

Это сердце всегда находит удовольствие в покое. Кто может смутить нас истиной или ложью, выгодой или ущербом?

43

Когда слышишь за бамбуковым пологом лай собак и крики петухов, чувствуешь себя в заоблачной стране^[205].

Когда слышишь за окном кабинета стрекот цикад и карканье ворон, познаешь мир безмолвия.

44

Если я не хочу славы, зачем мне отказываться от высоких чинов и наград?
Если я не думаю о карьере, для чего мне страшиться превратностей службы?

45

Когда созерцаешь горные леса и бегущие по камням ручьи, сердце, замутненное мирской грязью, постепенно очищается.

Когда вчитываешься в древние каноны и разглядываешь картины старинных мастеров, дух мирской пошлости мало-помалу рассеивается.

Поэтому благородный муж, хотя и не предается легкомысленному любованию вещами, смотрится в мир, как в зеркало, и так приводит к согласию свое сердце.

46

Весеннее цветение природы слишком волнует душу. Лучше внимать прохладному ветру и белым облакам осеннего дня, когда в воздухе носится аромат орхидей, а вода прозрачна и светла, как небосвод. В такую пору и душа, и тело становятся чище.

47

Тот, кто, не зная ни одного иероглифа, изведal поэтическое настроение, постиг истинный смысл поэзии.

Тот, кто не выучил ни одной гатхи^[206], но проникся духом чань, познал суть чаньского учения.

48

Когда сознание деятельно, оно может принять тень от лука за змею, а камень в траве за лежащего тифа^[207]. Все, воспринятое таким образом, не несет в себе жизни.

Когда сознание покойно, каменный тигр может преобразиться в морскую чайку^[208], а кваканье лягушек — в прекрасную музыку. Вот здесь и заключен подлинный исток всех явлений мира.

49

Пусть тело будет подобным отпущенной с привязи лодке, которая то плывет по течению, то застревает в затонах.

Пусть сердце будет подобным засохшему дереву, которому не грозят ни острый нож резчика, ни пахучий лак.

50

Услышав пение соловья, люди улыбаются, а, услышав кваканье лягушки, морщатся. Когда они видят цветок, им хочется ухаживать за ним, а когда видят чертополох, им хочется его вырвать.

Так получается потому, что людям свойственно судить о вещах по их видимому облику.

Но если смотреть на все в свете Небесной природы, какое существо не будет возвещать своим голосом о правде жизни в себе и не будет являть своим обликом красоту жизни?

51

Горевать о том, что выпадают волосы и редеют зубы, — значит верить умиранию обманчивой видимости.

Слышать, как поют птицы, и видеть, как распускаются цветы, значит постичь истинную природу всего сущего.

52

Если ты захвачен страстями, будешь видеть волны даже на поверхности замерзшего пруда и не обретешь покоя даже в тишине горного леса.

Если ты взрастил в себе пустоту, удушливая жара будет веять тебе прохладой, и ты не будешь слышать шума, даже стоя посреди оживленного рынка.

53

Тот, кто много накопил, многого лишится. Поэтому умудренность богача не сравнится с неведением бедняка.

Тому, кто взобрался высоко, будет больно падать. Поэтому опытность знатного человека не сравнится с невозмутимостью простолюдина.

54

Когда вчитываешься в «Книгу Перемен»^[209] у окна в рассветный час, видишь, как роса на соснах вспыхивает каплями киновари^[210].

Когда беседуешь о канонах за столиком в полдень, слышишь, как звуки каменных пластин^[211] откликаются шороху ветра в зарослях бамбука.

55

Цветок, поставленный в вазу, уже не будет жить. Птица, посаженная в клетку, уже не насладится волей. А вот в горах цветы, как попало растущие на лугу,

пленают своей красотой, и птицы, привольно кружа в небесах, находят в этом неизбывную радость.

56

Люди в мире не сомневаются в том, что их «я» — это и есть они сами, а потому одержимы страстями и заботами.

Когда-то один человек спросил: «Я больше не знаю себя самого. Откуда ж мне знать, в чем ценность вещей?»^[212]. Говорят и так: «Если знать, что это тело — не я, как смогут заботы мной завладеть?» Вот слова, прямо указывающие на истину.

57

Взгляни на молодость глазами старика, и в тебе поубавится жажда приобретений и побед.

Взгляни на сияние славы глазами человека, разбитого болезнью, и тебя оставят мысли о роскошной жизни.

58

Превратности судьбы не следует принимать слишком близко к сердцу.

Яофу^[213] говорил: «Тот, о ком прежде говорили, что это я, ныне уже другой. А я, о котором еще не знают сегодня, станет неизвестно кем в будущем».

Тот, кто будет всегда помнить эти слова, сможет освободить свое сердце от всех пут и оков.

59

Если хотя бы раз оглядеться хладнокровно посреди горячности и суеты, можно избавить себя от многих горьких сожалений.

Если посреди безразличия и разочарования появится хотя бы одно увлечение, можно познать истинный вкус многих вещей.

60

Если где-то есть счастливая страна, наперекор ей туг же появится страна несчастий. Если есть красивый вид, против него непременно возникнет уродливый пейзаж.

Только довольствуясь обычной пищей и любуясь неброскими красотами, можно жить в покое и радости.

61

Из высокого окна можно видеть, как облачная дымка окутывает голубые горы и изумрудные потоки; так постигаешь совершенство мира. В бамбуковой роще можно слышать, как пение птиц приветствует и провожает времена года; так познаешь взаимное забвение себя и мира^[214].

62

Если знать, что успех сулит поражение, жажда успеха не будет слишком сильной.

Если помнить, что все живое бrenно, потребность беречь себя не отнимет слишком много сил.

63

В старину один подвижник сказал: «Тень от бамбука подметает ступени, не сдвигая с места ни пылинки. Лунный свет достигает dna пруда, не оставляя в воде и следа»^[215].

Конфуцианский ученый говорил: «Вода течет стремительно, а поток вечно покоен. Цветы опадают так быстро, а в помыслах нет смущения»^[216].

Если люди будут всегда помнить об истине, заключенной в этих словах, ничто не сможет смутить их покой.

64

Когда в тишине до слуха доносится шум сосен в лесу и журчание ручья среди камней, постигаешь безыскусную музыку Неба и Земли.

Когда видишь луг, утопающий в тумане, и облака, плывущие в воде, словно развертываешь перед собой живописный свиток природы.

65

Когда видишь бурьян на руинах цзиньской столицы^[217], все еще мнится слава, добытая в битвах. Если тебя зарыли в северном предместье^[218] на съедение лисам, жалко денег, потраченных на похороны.

В народе говорят: «Диких зверей можно укротить, а человеческое сердце укротить трудно. Глубокое ущелье можно наполнить, а человеческое сердце насытить трудно». Этим словам надо верить.

66

Если в сердце не гуляют ветер и волны, где бы ты ни был, тебя будут окружать голубые горы и зеленые рощи.

Если ты поймешь, что небесная природа все поддерживает и вскармливает, всюду вокруг тебя будут резвиться рыбы и парить коршуны.

67

Если чиновник в высокой шапке и с широким поясом однажды увидит, что простолудин в соломенной накидке и бамбуковой шляпе живет счастливо, он, верно, ему позавидует.

Если богач, восседающий на мягких коврах и широких подушках, однажды увидит, что ученый, сидящий за грубым столиком под бамбуковым навесом, живет в покое, он, наверное, захочет быть таким же.

Так почему люди все хотят «гнать огнем быков и пускать лошадей по воздуху»^[219].

68

Рыбы резвятся в воде и там забывают друг о друге^[220]. Птицы парят на ветру, но не знают, что такое ветер.

Поняв это, можно сбросить с себя бремя вещей и до конца дней наслаждаться безыскусностью жизни.

69

Лиса спит в разбитом кувшине, зайцы бегают среди развалин: таким в конце концов станет место, где сегодня поют и пляшут. Роса блестит на пожухлых цветах, туман кутает увядшую траву: так выглядит ныне поле древней битвы. В расцвете и упадке нет постоянства, сила и слабость уходят без следа. Думы об этом могут сделать сердце человека подобным холодному пеплу.

70

Пусть тебя не смущают награды и унижения. Со спокойным сердцем смотри, как распускаются и опадают цветы в саду.

Пусть успехи и неудачи не пробуждают в тебе дум. Безмятежно смотри, как плывут в небе облака.

71

В ясную погоду при светлой луне всякой твари небесной вольно летать где угодно, но мотыльки бросаются в огонь свечи.

У чистого родника среди зеленой травы вольно есть и пить всякому зверю, но совы кормятся тухлыми мышами.

Увы! Много ли в мире людей, которые не уподобляются мотылькам и совам?

72

Тот, кто, вступив на плот, думает о том, как сойти с него, — прирожденный мудрец^[221].

Тот, кто, сидя верхом на осле, ищет осла, подобен чаньскому наставнику, не познавшему просветления^[222].

73

Могущественные люди горделивы, как драконы. Честолюбивые люди воинственны, как тигры. Если хладнокровно взглянуть на них, они предстанут муравьями, суеящимися вокруг падали, или мухами, слетевшимися на запах крови.

Суждения о правде и неправде густеют, как пчелиный рой. Мнения о приобретениях и утратах топорщатся, словно иглы ежа. Хладнокровно отнесшись к ним, их можно соединить подобно тому, как металлы сплавляются в плавильном котле или снег тает в горячей воде.

74

Обуздывая желания, познаешь страдания жизни. Давая претвориться своему естеству, познаешь радость жизни.

Когда узнаешь, что в жизни можно страдать, разбиваешь оковы грязных страстей. Когда узнаешь, что в жизни можно радоваться, зеркало мудрости само предстанет воочию. Так познается истинная ценность всех вещей в этом мире.

75

Да не останется в нашем сердце ни малейшей увлеченности вещами: пусть оно будет подобно огню, растопившему снег, и солнцу, растопившему лед. Да будет простираться перед нашим взором залитый светом необъятный простор: пусть он будет подобен сиянию луны в чистом небе, и волны будут хранить ее отражение.

76

Поэтическое настроение всего сильнее на мосту Балинцяо^[223]. Едва начнешь там декламировать стихи, как лес и горы подхватывают напев.

Дикая природа сильнее всего чарует на берегах озера Цзинху^[224]. Стоит прийти туда в одиночестве, как горы и потоки в дружеском согласии развертываются перед путником, словно свиток с прекрасными видами.

77

Птица, которая долго томилась на земле, непременно взлетит высоко.
Цветок, который распустился первым, непременно рано отцветет.
Поняв это, можно не переживать из-за неудач и не стараться быть впереди всех.

78

Когда от дерева остается только корень, видишь, что красота его кроны — брэнная слава.
Когда человек лежит в гробу, понимаешь, что потомки и богатство — сущие пустяки.

79

Истинная пустота не пуста. Тот, кто доверяется видимым образам, не имеет в себе правды.
Но и тот, кто отвергает видимые образы, тоже не имеет в себе правды.
Как же, спрашивается, Учитель мира^[225] поведал истину? «Будучи в мире, будь вне его. Потворствовать желаниям — страдание. Пресекать желания — тоже страдание». Эти наставления каждый из нас должен претворить в своей жизни.

80

Человек, жаждущий прослыть бескорыстным, окажется от владения царством с тысячью колесниц, а скряга будет биться за один медяк. Эти двое далеки друг от друга, как звезды от земных глубин, но страсть первого к славе не отличается от любви второго к богатству.
Сын Неба погружен в заботы о государстве, нищий вымалчивает чашку похлебки. По своему положению они далеки друг от друга, как облака в небе и грязь на земле, но чем отличается волнение в мыслях от волнения в голосе?

81

Если сполна изведать сладость и горечь этого мира, то, какие бы бури ни бушевали вокруг, ты и бровью не поведешь.
Если до конца проникнуть в человеческое сердце, то, даже если тебя назовут быком или лошастью^[226], ты будешь в ответ кивать головой.

82

В наше время люди пытаются устранить поток мыслей. Но в конце концов их устранить невозможно. Нужно лишь не держаться за прежние мысли, не

стремиться навстречу мыслям приходящим, а постепенно продлевать свое настоящее. Тогда сам собою войдешь в царство Вечного Отсутствия^[227].

83

То, что дух внезапно схватывает сам собою, доставляет нам самую большую радость.

Только та вещь подлинна, которая дружна со своим естеством. Стоит попытаться хотя бы немного улучшить то, что нас восхищает, и все очарование погибнет.

Недаром почтенный Бо^[228] говорил: «Мысли доставляют удовольствие, когда приходят внезапно. Ветер чист, когда вольно гуляет на просторе».

84

Возвращать своей природе изначальную чистоту — все равно что есть, когда голоден, и пить, когда тебя мучает жажда. Так ты укрепишь и тело, и разум.

Если же сердце погрязло в заблуждениях, то, даже рассуждая о сосредоточении и распевая гатхи, будешь понапрасну расточать силы.

85

В сердце человека есть мир подлинного. В нем не слышно звуков свирелей и струн, но всегда царит радость. В нем не обоняешь ароматы чая или курительных свеч, но всегда разлито чистое благоухание.

Очисти разум и отрешись от вещей, забудь о мыслях и предоставь телу свободу — тогда сможешь туда проникнуть.

86

Золото добывают из руды. Яшму извлекают из обыкновенных камней. Не будь обманчивой видимости, было бы невозможно искать правду.

Истину можно найти в кувшине с вином. Блаженных небожителей можно встретить в обществе публичных женщин. Даже самое возвышенное нельзя отделить от вещей обыденных.

87

В мире десять тысяч вещей, в человеческой жизни десять тысяч истин^[229], на земле десять тысяч дел. Если смотреть на них с обыденной точки зрения, они предстанут бессмысленной путаницей. А если смотреть на них с точки зрения праведного Пути, во всем обнаружится незыблемый порядок. К чему беспокоиться о различиях? К чему что-то выбирать да выгадывать?

88

Когда в душе царит безмятежность, даже кутаясь в рогожу, вбираешь в себя дух гармонии Неба и Земли.

Когда в сердце царит довольство, даже питаясь отрубями, знаешь подлинный вкус жизни.

89

Обремененность вещами и свобода от вещей коренятся в нашем сердце. Для прозревшего правду даже лавка мясника и придорожная харчевня — все равно что царство Чистой Земли^[230]. Не изведавший прозрения, даже окружая себя цитрами и журавлями, цветами и травами, не вырвет демонов из своего сердца.

Одно изречение гласит: «Для того, кто прозрел истину, мир пыли — все равно что мир воистину сущего. Тот, кто не прозрел истину, даже уйдя в монахи ничем не отличается от самого пошлого мирянина». Верьте этим словам.

90

Если отрешись от всех забот, в убогой келье словно появятся расписные потолки с плывущими облаками и протянутся жемчужные занавеси, точно струи дождя.

Если после третьей чары постигнешь смысл этой жизни, то только и будешь знать, что перебирать струны, осязая лунный свет, да пением свирели вторить шепоту ветра.

91

Когда постигаешь безмолвие всех голосов, донесшийся до слуха щебет птицы рождает в душе ощущение недостижимой глубины.

Когда мыслями пребываешь в пустыне, попавшийся на глаза свежий стебель заставляет поверить в беспредельную силу жизни.

Нельзя не видеть: природа, данная нам небесами, не выносит оцепенения; нечаянная встреча более всего взбадривает дух.

92

Почтенный Бо говорил: «Лучше вольно доверяться созидательной силе Небес, чем уповать на собственное разумение»^[231]. Почтенный

Чао^[232] говорил: «Лучше держаться постоянства пустоты, чем связывать свои тело и разум».

Тот, кто распущен, скатится к сумасбродству. Тот, кто пытается сдержать

себя, закоснееет.

Только тот, кто умеет воспитывать и тело, и дух, может по своей воле быть в меру стесненным и в меру свободным.

93

В снежную ночь при ясной луне сердце становится чистым. С весенним ветром под теплым солнцем в душе воцаряется мир.

Жизнь природы и человеческий дух слиты неразделимо.

94

В словесности преуспеваешь благодаря безыскусности. В служении правде делаешь успехи благодаря безыскусности. В слове «безыскусность» заключен глубочайший смысл.

«В деревне Персикового источника лаяли собаки, и среди тутовых деревьев кричали петухи»^[233]. Что может быть прелестнее этой картины? А когда мы доходим до изощренных фраз вроде «лунный свет в замерзшем пруду» или «вороны приютились на засохшем дереве», мы словно наталкиваемся на безжизненную пустоту.

95

Когда вещи служат нам, мы равнодушны к приобретениям, не огорчаемся из-за потерь и всегда свободны душой.

Когда мы сами служим вещам, мы гневаемся из-за неурядиц, любим, когда нам угождают, и связаны путами с ног до головы.

96

Если понять, что высшая истина пуста, все явления окажутся пустыми.

Отвергать явления и держаться за «истинно-сущее» — все равно что отворачиваться от тени и признавать телесную форму.

Когда сознание пусто, внешний мир тоже пуст. Отвергать мир, но признавать образы, существующие в сознании, — все равно что собирать падаль и отгонять мух.

97

Отшельник в горах чист душой и все делает в свое удовольствие. Поэтому за вином он без усилия весел, в шахматной партии без борьбы побеждает. Он исполнит чарующую мелодию на флейте без знания музыкальных ладов и исторгнет из цитры трогательный аккорд, не зная порядка струн. Не улавливаясь о встрече заранее, он радушно встретит и проводит гостя.

Стараясь соблюсти в его обществе правила хорошего тона, чувствуешь себя погрязшим в мирской суете.

98

Если обратиться мыслью к тому, что есть до рождения, о чем мы можем думать? Если устремиться мыслью к тому, что есть после смерти, что мы сможем себе представить?

В таком случае наши мысли рассеются, а наш дух станет пуст. Тогда мы сможем вознестись над вещами и пребывать в том, что предшествует всем образам.

99

Заболеть и лишь после этого счесть здоровье сокровищем, окунуться в хлопоты и лишь после этого счесть покой счастьем, — все это не назовешь пронциательностью.

Жить в счастье и знать, что оно корень несчастья, любить жизнь и знать, что в ней причина смерти, — вот дальновидное мнение.

100

Актеры покрывают лица пудрой и раскрашивают их красками, изображая красавцев и уродов. Но когда представление окончено и сцена пустеет, где пребывать красоте и уродству?

Игроки в шахматы стремятся к победе, разменивая одну за другой свои фигуры. Но когда все фигуры разменены, где будут победитель и побежденный?

101

Очарование цветов, раскачиваемых ветром, и чистота снегов, озаряемых луной, понятны только тем, кто отрешен от мирской суеты.

Прелесть свежей листвы и обнаженных ветвей над ручьем, красоту молодых побегов из старых стволов бамбука среди камней могут оценить лишь те, кому не ведома суетность.

102

Если с простым крестьянином заговорить о курятине и непроцеженном вине, он радостно подхватит разговор. Если его спросить об изысканных яствах, он ничего не поймет.

Если спросить его о халате, подбитом ватой, и грубой поддевке, он с готовностью ответит.

А спросишь об одеянии вельможи — он о том не ведает. Его натура целостна, поэтому желания его не идут далеко. Вот что самое возвышенное в человеческой жизни.

103

Сердце не есть то, чем оно предстает нам^[234]. Что же в нем созерцать? Будда говорил, что тот, кто занимается созерцанием своего сердца, воздвигает себе лишние преграды.

Все вещи, по сути, — одна вещь. Зачем же доказывать их равенство? Чжуан-цзы говорил, что тот, кто рассуждает о равенстве вещей, разбивает их единство^[235].

104

Заслышав громкие звуки музыки и разгульные песни, бегу от них прочь, прикрываясь рукавом. Завидую прозревшему человеку, которому нипочем страсти мира.

На исходе суток в полночный час брожу без усталости в темноте, сокрушаясь о том, что род людской ввергают в океан страданий.

105

Когда в душе нет твердости, отвернись от красок и звуков мира, дабы мирские соблазны не смущали сердце. Так можно прозреть свою подлинную природу.

Когда в душе появится стойкость, окупись в скверну мира, дабы сердце знало мирские соблазны и не смущалось ими. Так можно придти к духовному совершенству.

106

Тот, кто привержен молчанию и не выносит шума, избегает людей и стремится к покою.

Он не понимает, что желание не быть с людьми создает обманчивую идею подлинности своего «я», а стремление к покою лишь рождает душевное волнение. Разве дано ему постичь мир подлинного, где «другие» и «я» суть одно, а движение и покой давно забыты?

107

Жизнь в горах наполняет нас чистой радостью, и каждая вещь вокруг рождает возвышенные думы. Вид одинокого облака и дикого журавля заставляет задуматься о недостижимом и беспредельном. Встретив камень,

омываемый быстрым потоком, мечтаешь о белоснежной чистоте. Прикасаясь к старому можжевеловому или замерзшей сливе, думаешь о несокрушимой стойкости. Дружа с чайками и оленями, невольно освобождаешься от себялюбия. Но стоит только войти в суетный мир, и все вокруг будет увлекать в пучину опасностей и тревог.

108

Когда чувства созвучны природе, гуляешь босиком по душистой траве, и дикие птицы, забыв об осторожности, составляют тебе дружескую компанию.

Когда сердце откликается пейзажу, сидишь в распахнутом халате среди опадающих цветов, и белые облака, проплывая мимо, ведут с тобой безмолвный разговор.

109

Все радости и несчастья людей порождены их собственными мыслями. Поэтому Будда говорил: «Страсти горят в душе, как печь огненная». Трясина алчности и вождления — океан страданий. Одна мысль о чистоте превращает пылающий костер в прохладный пруд. Одна мысль о прозрении — это лодка, переправляющая нас на «другой берег». К расхождению в помыслах, различию состояний духа, разнице в понимании вещей никак нельзя относиться небрежно и легкомысленно.

110

Веревка, которой тянут ведро из колодца, перетрет колодезный сруб. Вода по капле точит камень. Тот, кто хочет познать истину, должен быть упорным. Вода сама находит себе дорогу. Созревший плод сам падает наземь. Тот, кто обрел истину, следует лишь влечению естества^[236].

111

Когда разум приходит к покою, начинаешь ценить свет луны и дуновение ветра и понимаешь, что в заботах мирской жизни нет необходимости. Когда в сердце своем ты далек от мирской суеты и не испытываешь потребности красоваться перед людьми, зачем тосковать по безлюдным горам?

112

Когда цветы опадают, обнажаются скрытые в них семена. В самую морозную пору года ветер, сдувающий золу^[237], предвещает возвращение теплых дней. Сила животворения живого всегда одолеет увядание и смерть. Кто это поймет, постигнет душу Неба и Земли.

113

После дождя в горном пейзаже открываешь новую красоту. В ночной тишине звук колокола особенно чист.

114

Когда восходишь на вершину, на сердце становится легко.
Когда стоишь над рекой, мысли уносятся далеко.
Когда читаешь книгу в снежную ночь, душа очищается.
Когда напеваешь мелодию на вершине холма, чувствуешь прилив сил.

115

Если в сердце просторно, то и на груди золотых будешь смотреть, как на глиняный кувшин.
Если в сердце тесно, каждый волосок будет давить на тебя, как как тележная ось.

116

Вне ветра и луны, ив и цветов нет созидательной силы природы. Вне чувств и желаний нет жизни сердца.
Если только мы сможем добиться того, чтобы вещи служили нам, а не мы вещам, всякое желание будет исходить от нашего естества, и всякое чувство будет созвучно истине.

117

Только тот, кто постиг в себе самого себя, может предоставить всем вещам быть тем, что они есть.
Только тот, кто возвратил Поднебесную Поднебесной^[238], может пребывать вне мира, находясь в мире.

118

У человека праздного досужие мысли воруют жизнь. В человеке суетливом истинная природа не в силах себя проявить.

Поэтому добродетельный муж не может не ведать тягот непрестанного бодрствования и не может не быть вольным, как ветер и луна.

119

Среди суеты человеческое сердце часто теряет свою непосредственность. Отрешись от мыслей, обрети покой — и ты будешь плыть вместе с облаками в небе, очищаться от пыли под струями дождя, радоваться, слушая пение птиц, и прозревать свое естество, созерцая опадающие цветы. Тогда для тебя не останется места, где бы ты ни обретал праведный Путь, и не будет вещи, в которой не проявлялась бы сила подлинности жизни.

120

Когда рождается ребенок, жизнь матери в опасности. Если ты скопил много денег, к тебе залезут воры. Нет радости, которая не сулила бы огорчений. Бедность научит воздержанию, болезнь — заботе о здоровье. Нет несчастья, которое не предвещало бы радости.

Поэтому постигший истину человек не отделяет радость от огорчения, но забывает и о том, и о другом.

121

Если твой слух уподобится ущелью, которое вбирает в себя ветер и ничего не удерживает, «истинное» и «ложное» перестанут для тебя существовать. Если твое сознание уподобится озаренному лунным светом пруду, который отражает все образы и ничего в себе не таит, ты забудешь и о других, и о себе.

122

Те, кто погряз в мирской суете, опутаны мыслями о славе и выгоде, но в один голос клянут этот мир, называя его «грязным светом» и «океаном страданий». Им не ведомы ни белизна облаков, ни синева гор, ни проворство ручья, ни твердость камня. Они не знают, что цветы улыбаются птичьему щебету, а долины подхватывают песни дровосеков. Они не знают, что мир не грязен и что в океане жизни нет страданий, и лишь их собственное сердце покрыто грязью и отягощено заботами.

123

Созерцать наполовину раскрывшиеся цветы, а за чашей вина лишь слегка захмелеть доставляет удовольствие. Вид осыпающихся цветов и разнузданного пьянства неприятен.

Ко всему законченному и доведенному до крайности следует относиться с большой осторожностью.

124

Горные травы никто нарочно не поливает. Диких птиц никто не кормит. Но на вкус они душисты и нежны.

Когда мы научимся не связывать себя условностями светской жизни, разве не очистимся мы и от ее зловония?

125

Прежде чем растить цветы и сажать бамбук, любоваться журавлями и наблюдать за рыбами, обрети в себе покой.

Если же просто переселиться в красивую местность, окружить себя прелестными вещами, судить понаслышке о конфуцианской мудрости и твердить со слов Будды о пустоте всего сущего, что же тут изысканного?

126

Мужи горных лесов терпят лишения, но без усилий предаются возвышенным думам.

Крестьяне, работающие в поле, грубы и неотесанны, но не теряют природной непосредственности.

Лучше умереть в глуши, сохранив чистоту духа и тела, чем потерять себя в обществе рыночных торговцев.

127

Не предназначенное тебе счастье, несправедливое приобретение, не уготованная творцом всего сущего удача — это все западни, расставленные миром для людей. Если, натываясь на них, не задирать кверху нос, непременно их обойдешь.

128

Наша жизнь, по сути, — кукольное представление. Нужно лишь держать нити в своих руках, не спутывать их, двигать ими по своей воле и самому решать, когда идти, а когда стоять, не позволять дергать за них другим, и тогда вознесешься над сценой.

129

Каждое совершенное дело наносит нам ущерб, оттого в Поднебесной бездеятельность всегда почиталось за счастье.

Когда-то один человек сказал в своих стихах: «Дав совет государю, не проси себе знатный титул. Победа в одном сражении дается ценою гибели тысяч людей»^[239]. Сказано и так: «Если в Поднебесной царит вечный мир, не жаль, коли в ножнах заржавеют мечи».

Помните об этих словах, и тогда воинственные настроения в мире сами собой растают, как лед на солнце.

130

Похотливая женщина из-за любви к мужчинам становится монахиней. Пылкий человек из-за своей запальчивости уходит в монастырь. В благопристойном доме часто гнездятся блуд и распутство. Так уж устроен мир.

131

Если среди вздымающихся до небес волн люди, сидящие в лодке, сохраняют спокойствие, то и те, кто оказался за бортом, не потеряют самообладания. Если среди веселья и довольства люди, сидящие за одним столом, кричат и бранятся, все вокруг потеряют стыд. Хотя благородный муж не чурается обыденных дел, сердцем он странствует вне людских путей.

132

Немного сократить человеческую жизнь — значит немного стать свободней от мира. К примеру, сократив свои визиты, сможешь избавиться от лишних волнений. Если будешь реже говорить, будешь реже ошибаться. Если будешь меньше размышлять, меньше будешь тратить душевных сил. Если обуздаешь свой рассудок, сможешь вернуться к первозданной полноте жизни. Тот, кто хочет, чтобы дни были не короче, а длиннее, поистине навлекает на себя лишнюю обузу.

133

Морозу и жаре в природе противостоять легко, а горячность и холодность в человеке искоренить трудно.

Даже если искоренить горячность и холодность в человеке легко, трудно устранить лед и пламя в собственном сердце.

Когда устранишь лед и пламя внутри себя, не будешь знать недовольства, и весна станет твоей вечной спутницей.

134

Не обязательно держать в доме лучший чай, но чайник не должен стоять без дела. Не обязательно искать свежее вино, но кувшин не должен быть пуст. Неукрашенная цитра, даже не имея струн, рождает гармонию^[240]. Пастушья дудка, даже не имея отверстий, исторгает сладостный напев. Если тебе трудно превзойти Фу Си^[241], ты можешь по крайней мере стать товарищем Цзи Кана и Жуань Цзи^[242].

135

Буддисты говорят о зависимом характере существования^[243]. Конфуцианцы толкуют об удовлетворенности тем, что имеешь^[244]. Эти принципы есть тот челн, на котором мы переправляемся через океан жизни. Путь наш необозрим. Если мы захотим заранее его просчитать, мы ввергнем себя в бесконечный хаос мыслей. Если будем спокойно принимать все, что с нами происходит, мы непременно достигнем берега.